

**Военные
Приключения**

НА ЗАДВОРКАХ ИМПЕРИИ

ВИКТОР НОСАТОВ

Виктор Иванович Носатов
На задворках империи
Серия «Военные приключения (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69181549

*На задворках империи:
ISBN 978-5-4484-8876-4*

Аннотация

Конец XIX и начало XX столетия... На прилегающих к Памиру территориях британская разведка ведет отнюдь не джентльменскую игру, главной целью которой является тщательное изучение восточных земель Российской империи для последующего их отторжения. Чтобы помешать этому, в смертельно опасную экспедицию отправляется небольшой отряд под командованием штабс-капитана Баташова. В Европе тоже беспокойно: там, готовясь к грядущей кровавой бойне, все более дерзко ведет себя Германия...

Содержание

Предисловие	5
Глава I	9
Глава II	17
Глава III	55
Глава IV	92
Глава V	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Виктор Иванович Носатов

На задворках империи

© Носатов В.И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей
на Страшный господень суд.*

Редьярд Джозеф Киплинг

Предисловие

Эта книга во многом расширит исторический кругозор российского читателя, позволив ему в полной мере понять и прочувствовать весь трагизм событий, происходивших при освоении восточных окраин Российской империи, чему яростно препятствовала Великобритания, и познакомит с авантюристическим британским сценарием покорения Памира, известном в зарубежной литературе под названием «Большая игра». Суть этой глобальной операции сводилась к тому, что во второй половине XIX столетия на прилегающих к «Крыше мира» территориях британская разведка вела отнюдь не джентльменскую игру, главной целью которой являлось тщательное изучение большей части восточных земель Российской империи для последующего их отторжения в пользу своих союзников, которых англичане приобретали среди горских правителей путем подкупа или угроз. В этот период на Памире и в Припамирье в самой драматической форме разыгралось соперничество двух величайших империй – Российской и Британской. Этот мало изученный регион оказался местом, в котором сфокусировались все противоречия держав, где разыгрались большие и маленькие трагедии «Большой игры», главными действующими лицами которой были российские и британские разведчики.

В конце XIX и в начале XX века именно генерал-квартир-

мейстерская часть Главного управления Генерального штаба российской императорской армии, занимаясь не только агентурной разведкой, но и ликвидацией «белых пятен» на карте Российской империи, с честью противостояла британской «Сикрет интеллидженс сервис», задействованной в «Большой игре».

Многочисленные экспедиционные отряды, возглавляемые Генерального штаба офицерами, вели не только борьбу с британскими посягательствами на границы Российской империи, но и защищали иноверцев – подданных Ак-паши (Белого царя), устанавливали пограничные знаки, возводили пограничные крепости в самых отдаленных и высокогорных уголках Памира, а также вели геодезические и географические исследования, внося свой достойный вклад в российскую науку. Многие из них были награждены за свои исследования золотыми и серебряными медалями Императорского Русского географического общества.

Все знают о выдающихся заслугах ученых-географов Николая Михайловича Пржевальского, Андрея Евгеньевича Снесарева, Михаила Ивановича Венюкова, Владимира Клавдиевича Арсеньева, Михаила Дмитриевича Скобелева, Михаила Ефремовича Ионова, Лавра Георгиевича Корнилова и многих других исследователях и первооткрывателях, но мало кто знает, что все они прежде всего были офицерами Генерального штаба российской императорской армии и выполняли секретные предписания высшего командования.

В тайные задачи военных экспедиционных отрядов, которые они возглавляли, входило не только подробное изучение окраин Российской империи с геополитическими и военными целями, но и вооруженное противодействие любым территориальным посягательствам. Параллельно с русскими Памир и Припамирье глубоко и настойчиво изучали и британские «ученые» от «Сикрет интеллидженс сервис», которые, чтобы закамуфлировать истинную цель своего пребывания на «Крыше мира», всячески распространяли слухи о том, что Россия якобы хочет захватить богатейшую Британскую колонию – Индию, и необходимо любыми средствами создать буферную зону на пути русских войск. Здесь было приемлемо все: и шантаж, и шпионаж, и подкуп. Подкупом, а зачастую и силой оружия, британские эмиссары стремились заставить многочисленных памирских князьков, тяготеющих к «Белому царю», перейти в британский лагерь, сделать их своими союзниками и тем самым утвердиться на Востоке. Соприкасаясь с русскими экспедициями на Памире, британские джентльмены от разведки не брезговали ничем, лишь бы претворить замысел «Большой игры» в жизнь.

Не отставали от своей главной соперницы Великобритания в освоении Востока и Срединные империи – Германия и Австро-Венгрия, которые не только наращивали в этих регионах свои вооруженные силы, но и разведку, к началу Первой мировой войны опутавшую своими шпионскими сетями не только Восток, но и всю Европу. В России немецкая аген-

тура смогла проникнуть не только в сферу военного ведомства и на оборонные предприятия, но и в ближайшее окружение императора. Зная об этом из донесений своей заграничной резидентуры, главное управление Генерального штаба российской императорской армии спешно формировало свои контрразведывательные структуры, способные противостоять недружественным разведкам, поручая это важное для обеспечения безопасности страны дело самым надежным и бесстрашным офицерам армии и жандармского корпуса.

В тайной войне, которая началась задолго до первых сражений Первой мировой войны, к отчаянию Большого Генерального штаба германской армии, российские контрразведчики смогли выявить и ликвидировать сотни шпионов и диверсантов, довели до суда множество самых необычных шпионских дел, оставив тем самым германскую армию на Востоке почти без «глаз и ушей»...

Глава I

Санкт-Петербург. 1894 г

– Вы подлец! Я вызываю вас на дуэль, – звонким голосом произнес не на шутку разгневанный штабс-капитан Своевский и, сняв с руки перчатку, швырнул ее в лицо жандармского корнета.

Все случилось так неожиданно, что подпоручик Баташов даже не успел вмешаться в внезапно вспыхнувшую ссору, причиной которой стала злобная реплика проходившего мимо них жандарма:

– Я же просил вас, господин штабс-капитан, не становиться больше на моем пути, не ворошить прошлого!

– Вы мне угрожаете? – грозно взглянул на жандарма щуплый, среднего роста штабс-капитан.

– О нет! – явно волнуясь, ответил высокорослый корнет, угрожающе поведя своим богатырскими плечами. – Но я вас предупреждаю, что если вы еще раз позволите беспричинно бесчестить меня перед моим начальником, то я могу воспользоваться своими нынешними полномочиями и заставлю вас пожалеть о ваших неразумных действиях.

Эти последние, довольно обидные слова и взорвали внешне спокойного штабс-капитана Своевского, немедленно потребовавшего сатисфакции.

Мясоедов явно не ожидал со стороны штабс-капитана вызова и был заметно этим ошарашен. Крупное лицо его поочередно то бледнело, то краснело, словно от непреодолимого страха, вызывая у Баташова естественную неприязнь. Это и понятно, ведь все связанное с жандармами вызывало в светском обществе, и особенно у военных, если и не презрение, то уж точно стойкую антипатию.

– Но я нахожусь на службе... – пытался увильнуть от прямого ответа корнет, взяв себя в руки.

– Если вам моего устного вызова мало, я готов подтвердить его физически и при посторонних лицах, – безапелляционно промолвил штабс-капитан, победоносно, снизу вверх, глядя на своего противника.

– Мне достаточно вашего слова, – с чуть скрываемой дрожью в голосе ответил Мясоедов. – По дуэльному кодексу, мне предоставляется право выбора оружия...

– Что-что, а это ваше законное право, – согласился Своевский. – Только прошу не затягивать дуэль, мне необходимо второго дня убыть в Варшаву.

– Стреляемся завтра в 7.00 на Черной речке на дистанции 25 шагов, произвольно, – уняв дрожь в голосе, выпалил корнет, словно завзятый бретер, и вызывающе взглянул на поручика.

– Как скажете, – равнодушно откликнулся Своевский.

– Честь имею, – глухо промолвил Мясоедов и, насвистывая модный романс, направился своей дорогой.

– Честь имею! – сказал ему вслед штабс-капитан. – Вот и выпала мне возможность расквитаться за други своя с этим жандармским выскочкой, – добавил он, обращаясь к Баташову, недоуменно наблюдавшему за этой неожиданной стычкой.

– Вы не смогли бы быть моим секундантом? – неожиданно спросил Своевский. – Кроме вас у меня близких знакомых в Петербурге нет.

– Буду считать за честь, – не раздумывая ответил подпоручик Баташов, – но объясните же мне, что все это значит.

– Подробностей я вам рассказать не могу, это не моя тайна. Скажу только, что этот жандармский корнет, прекрасно зная окрестности Кёнигсберга, участвовал вместе с офицерами Генерального штаба, приписанными к Варшавскому военному округу, в секретном деле против немцев. Во время проведения операции он в самый нужный момент куда-то неожиданно исчез. А когда, через несколько часов, появился, то вскоре, откуда ни возьмись, на нашу засаду вышли немцы и в перестрелке ранили двоих наших разведчиков. После окончания дела я доложил по начальству о своих подозрениях в отношении Мясоедова, но несмотря на это, корнет, сославшись на то, что заблудился, смог как-то выкрутиться и по итогам операции даже был награжден. После этого случая я начал присматриваться к нему более пристально, справляться о нем у знакомых по академии, сослуживцев. Но, почуяв неладное, он ускользнул от меня, перебрав-

шись в Петербург в штаб Отдельного корпуса жандармов. И вот эта случайная встреча на Фурштадской улице наконец-то позволила мне расставить все точки над «і»...

– Вы уверены в его нечистоплотности?

– Вы хотите сказать, «в предательстве»? Да, уверен. Тем более, что офицеры, которые знают его давно, не раз замечали за ним разные темные делишки. Однажды он даже проходил свидетелем в деле контрабандистов оружием, утверждавших, что выполняли распоряжение жандармского офицера, который приказал им ночью переправить тяжелый ящик через пограничную речку, где они и были задержаны дозором пограничной стражи. По их утверждению, это был человек высокого роста, богатырского телосложения, но когда им представили Мясоедова, то они его почему-то не признали. В общем, темная история. Скажу, как на духу, конкретных доказательств предательства корнета Мясоедова у меня нет. Поэтому я и выбрал такой необычный способ сведения с ним счетов...

Штабс-капитан Своевский, которого накануне откомандировали в Генеральный штаб для дальнейшего прохождения службы, был дальним родственником Баташова. Подпоручик в глубине души догадывался, что Своевский занимается делом, не бывшим в чести у большинства офицеров Российской императорской армии, а именно – агентурной разведкой, но вида не показывал и даже гордился своим родственником, увидев на его офицерском кителе орден Свято-

го Георгия I степени. Однако, сколько ни просил Баташов, он так и не узнал, за какой подвиг тот получил такую высокую награду. Своевский всякий раз скромно отшучивался по этому поводу. Вот и теперь, видя, с каким мужеством и достоинством он призвал к ответу негодяя-жандарма, Баташов загордился им еще больше, готовый ради него на все. Конечно, он слышал от бывалых офицеров о каре, которая ждет не только дуэлянтов, но и секундантов, но по молодости не придавал этому значения, понадеявшись на авось...

На следующее утро, после того как Баташов и жандармский ротмистр – секундант Мясоедова – призвали соперников к примирению и те ответили на это категорическим отказом, были оглашены условия дуэли. Выбрав заряженные пистолеты, дуэлянты разошлись на 25 шагов и стали спиной друг к другу. Оба, на удивление, были спокойны, лишь только темные круги под глазами корнета Мясоедова говорили о том, что он провел тревожную и возможно бессонную ночь.

– Начинай! – разрешил ротмистр.

Офицеры повернулись лицом друг к другу, спокойно взвели курки и начали целиться, прислушиваясь к отсчету, который с хронометром в руках производил ротмистр.

При счете «двадцать» прозвучала команда:

– Стой! – и раздались один за другим два выстрела.

Мясоедов выстрелил первым, но промахнулся. Своевский пальнул в воздух.

– Не хоте ли попытать счастье еще раз? – саркастически

улыбнувшись, предложил штабс-капитан. – Я понимаю, что жандармам привычнее целиться в упор. Сделайте поправку на ветер, и все будет в ажуре.

Эти слова вызвали у Мясоедова нервный смешок, а крупное, мясистое лицо его залилось болезненной краской.

– Вы, что, смеетесь надо мною? – в бешенстве воскликнул он и выстрелил в другой раз, прострелив Своевскому фуражку.

Штабс-капитан снова выстрелил в воздух.

– Вы сегодня явно не в духе, господин корнет. Цельтесь чуть ниже, и третий выстрел будет точнее...

– Господа, согласно вышеназванным условиям, я прекращаю дуэль, – категорически заявил ротмистр, – и еще раз прошу вас помириться.

– Я удовлетворен, – спокойно сказал Своевский, – и думаю, что вы, господин корнет, достаточно наказаны за свои темные делишки.

– Я предлагаю вам, господа, пожать друг другу руки и мирно разойтись, – предложил Баташов.

– Ни в коем случае, – презрительно взглянув в глаза Мясоедова, возразил штабс-капитан. – Честь имею!

– Если вы удовлетворены, то я, несмотря ни на что, больше не намерен с вами драться, – миролюбиво промолвил Мясоедов и, угрюмо опустив голову, направился, в сопровождении ротмистра, к стоящей невдалеке пролетке.

Баташов и Своевский, вскочив на коней, галопом про-

неслись мимо, обдав явно удрученных неудачей жандармов терпким конским духом и пылью...

Чтобы рассеяться и снять напряжение после удачного поединка, офицеры по приезду в Петербург сразу же направились в ресторан.

Своевского встретил сам метрдотель и, предупреждая его желания, сразу же проводил штабс-капитана вместе с гостем в самое тихое и спокойное место.

– Что прикажете подать-с? – подобострастно спросил он, как только офицеры заняли место за столиком.

– Как обычно, Петрович, – не заглядывая в меню, ответил штабс-капитан.

– Будет исполнено, вашество, – склонил в полупоклоне голову метрдотель и, подозвав к себе официантов, начал им что-то строго втолковывать.

Не прошло и пяти минут, как на столе появился графин с шустовским коньяком и самые разнообразные холодные и горячие закуски.

– Я уже не раз бывал здесь, – признался Баташов, – но так лихо меня еще ни разу не обслуживали. В чем же тут секрет?

– Ну, секрета здесь никакого нет, – улыбнулся в ответ Своевский, – все до банального просто. Этот метрдотель приехал из Варшавы по моей рекомендации и, как видите, прижился.

Он потянулся было к графинчику, чтобы разлить по бокалам коньяк, но его желание было тут же исполнено услужливым официантом.

– Выпьем за нашу встречу! – предложил первый тост штабс-капитан. – За нашу дружбу.

Выпив и закусив малосоленой семгой, офицеры принялись вспоминать о ближних и дальних родственниках и конечно же о службе. Больше рассказывал Баташов, а Своевский, налегая на закуски, внимательно слушал его и многозначительно молчал. Да и что он мог сказать, когда этот молодой человек почти полностью повторял его офицерскую судьбу? Но тогда он и предположить не мог, что через многие годы Баташов, будучи уже опытным контрразведчиком, докажет преступную связь Мясоедова с врагом и поставит последнюю точку в деле этого бесчестного и нечистого на руку человека. Все это еще будет, а пока штабс-капитан Своевский вместе с подпоручиком Баташовым, радуясь родственному общению за этим, уставленным самыми лучшим ресторанными яствами столом, много говорили о былом и строили планы на будущее, которое виделось им ясным и безоблачным. Никто из них тогда не мог и предполагать, что не пройдет и четверти века, как все, о чем они простодушно мечтали, канет в Лету, а пройдя через две войны и три революции, их любимая Россия станет совсем другой. Другими будут и они...

Глава II

Санкт-петербург – Ташкент. 1893–1894 гг

1

Евгений Евграфович Баташов, среднего роста, широкоплечий юнкер, отличался не только крепким телосложением, но и терпением, и мужеством, позволявшим ему достойно и с честью переносить все тяготы и лишения военной службы. Широкое лицо его было обрамлено короткими русыми волосами, ниспадающими ровным пробором на крупный лоб, под которым за густыми бровями сияли крупные голубые глаза, в которых блистали гордость и постоянная настороженность настоящего военного. По окончании обучения в кадетском корпусе он поступил в Михайловское артиллерийское училище. Как и в кадетке, Баташов отлично успевал по всем основным предметам обучения. Через год, став портупей-юнкером, уже командовал юнкерским взводом. Однако с молоком матери усвоенное им понятие чести то и дело давало о себе знать, зачастую перечеркивая все его училищные достижения и успехи. Баташов никогда не опускался до того,

чтобы унижать слабых и младших. Но если дело касалось его личной чести и достоинства, то он был готов на все. У него было с кого брать пример.

Главным воспитателем и молчаливой грозой училища был командир батареи полковник Чернявский. Основными чертами его духовного облика были поразительное хладнокровие и удивительная ясность ума. Он был всегда ровен в сношениях как с подчиненными, так и с начальством — до шефа училища Великого Князя Михаила Николаевича включительно. Одной своей довольно грузной фигурой с правой рукой за бортом сюртука он производил и в стенах училища, и на стрельбе, и особенно на маневрах, какое-то успокаивающее действие на юнкерские горячие головы. Не производя своей фигурой впечатления изысканной вежливости, полковник Чернявский тем не менее был со всеми очень тактичен. Про эти его качества Баташов был наслышан не только от преподавателей училища, но и от бывших под его началом юнкеров, ставших офицерами. Больше всего ему запомнился случай, произошедший с Великим Князем Сергеем Михайловичем в бытность его юнкером: после первого конного батарейного учения в лагере батарея приехала в парк, где полковник Чернявский обычно командовал: «Ездовые, слезай»; Великий Князь немедленно же после этого отправился в барак, не ожидая последующей команды. В другой раз полковник Чернявский проделал то же самое и, дав Великому Князю время пройти значительное расстояние

по направлению к баракам, скомандовал: «Садись». Великому Князю пришлось бежать обратно к своему коню. Естественно, более не повторялось ничего подобного. Этот инцидент не отразился на добрых отношениях Великого Князя к своему «дядьке», как любовно называл он полковника Чернявского.

Конечно, были в училище и офицеры, которые по ряду причин не пользовались любовью юнкеров, но их было не так много в училище. Однажды портупей-юнкеру Баташову пришлось столкнуться с таким. Офицер училища поручик Лавров, стараясь уязвить портупей-юнкера Баташова, заметно преуспевающего в военном деле, сделал ему несправедливое замечание:

– Господин портупей-юнкер, – ехидно усмехаясь в усы, промолвил он, – вам не кажется, что вы слишком кичитесь своими военными познаниями? И от этого среди своих товарищей выглядите белой вороной.

– Лучше быть белой вороной, чем безмозглой курицей, – сразу же, не задумываясь о последствиях, парировал Баташов.

– Господин портупей-юнкер!.. – побелев от бешенства, вскричал поручик и сделал рукой резкое движение, словно намереваясь надавать ему пощечин.

У Баташова не дрогнул на лице ни один мускул. Сохраняя ледяное спокойствие, он опустил руку на эфес шашки, давая понять, что за свою честь намерен стоять до конца.

Видя, что дело принимает неприятный оборот, офицер быстро ретировался. Такого конфуза он Баташову, конечно же, простить не мог и при каждом удобном случае старался ему хоть чем-то насолить. Но это продолжалось недолго. Неуживчивая натура поручика, оскорбительно отозвавшегося об одном из коллег по училищу, однажды привела к дуэли. Лавров был ранен и отправлен в отставку, а вызвавший его на поединок капитан, к огорчению большинства Михайловцев был направлен в Туркестанский военный округ. Наверное, уже тогда в голове Баташова зародилась неожиданная мысль: «Что же это за округ такой, куда ссылаются люди чести?»

Про многие военные округа и воинские части Баташов знал из рассказов отца, ветерана Бородинского сражения, других офицеров, которые продолжали дело своих отцов и дедов и достаточно поколесили по просторам Российской империи. Но никто из них почему-то не вспоминал о Туркестане. И прежде всего, наверное, потому, что большинство из них служили в Санкт-Петербурге или Москве, в крайнем случае на территории европейской части страны, а не в Богом забытых восточных задворках Российской империи.

2

Закончив дополнительный курс училища, что дало приоритет при распределении на службу и погоны подпоручи-

ка, Баташов задумался. Перед ним открылась перспектива службы в гвардии или в столичном военном округе, однако он, на удивление сокурсников, выбрал Туркестанский военный округ и получил назначение в одну из батарей Туркестанской артиллерийской бригады. Служба проходила в самых экстремальных условиях. Снабжение войск было налажено из рук вон плохо, и офицерам частенько приходилось жертвовать своими деньгами для того, чтобы воинская часть была в постоянной боевой готовности. Кроме повседневных занятий и караулов, Баташов находил время для того, чтобы заниматься самообразованием, изучением восточных языков и просвещением солдат. Для пытливого ума подпоручика каждый выезд в Алайскую долину на рекогносцировку являлся незабываемой встречей с ранее неизвестным миром Востока и потому был для него достаточно познавательным.

Изучая языки и обычаи инородцев, он мог подолгу слушать повествования горцев о снежных вершинах и цветущих долинах их горной страны. Но в последнее время вместо горделивых рассказов о своей подоблачной родине подпоручику все чаще и чаще приходилось слышать их горестные стенания.

Один из жителей гор запомнился Баташову надолго. Он познакомился с ним, когда его батарея, отстрелявшись на дальнем полигоне, возвращалась в гарнизон. Это был оборванец, одетый в какие-то старые лохмотья, сквозь которые проглядывало бронзовое от загара истощенное тело. Взгля-

нув на офицера голодным взглядом, горец на удивление не стал просить милостыни, как это обычно делали нищие, а с достоинством поклонившись, промолвил, коверкая русские слова:

– Русски карашо! Русски и таджики карашо!

Не совсем понимая, что хотел сказать незнакомец, Баташов спросил на фарси:

– Что вы, уважаемый, хотели мне сказать?

Горец, услышав родную речь, радостно всплеснул руками, вскочил и, сделав несколько торопливых шагов к офицеру, вдруг упал на колени, стараясь схватить полу его шинели и поцеловать.

– О таксыр! – торопливо заговорил он. – Вы себе и представить не можете, что приходится переносить нам от захватчиков – афганцев. Это лютые звери, которые жгут наши дома, убивают детей и насилуют жен. Мы лишены возможности оградить свои семейства от такого великого несчастья...

У таджика потекли слезы. Вид его был ужасен. Черная борода, усы и нависшие над костлявыми глазницами брови были всклокочены и казались серыми от густого слоя пыли, а его босые ноги, сбитые дальней дорогой, были сплошь покрыты кровоточащей коркой. Как потом оказалось, это был не простой таджик, а родственник правителя Шунганского княжества, за голову которого завоеватели назначили довольно высокую цену. Он бежал из захваченного афганцами княжества, надеясь найти убежище и помощь в России.

Убедившись в том, что батарея, расположившись в широкой седловине перевала, находится под бдительной охраной часовых, а свободные от службы солдаты наспех варганили походный кулеш, Баташов пригласил путника к своему импровизированному столу, который был устроен его предприимчивым денщиком из двух снарядных ящиков. Видя, что шунганец, насытившись, поставил пиалу вверх дном, подпоручик, стараясь унять свое искреннее любопытство, спросил:

– Что же послужило поводом к подобному варварству афганцев?

– Прежде всего то, что шунганцы всегда были свободным народом! Еще с незапамятного времени мы почитали кокандских ханов и платили им подати. Позднее наши ханы правили уже совершенно самостоятельно. Но четверть века назад на наши земли пришли захватчики во главе с афганским эмиром Дост-Магомедом, и тогда многие Памирские ханства пали, несмотря на геройское сопротивление жителей. Мы оказались в полном рабстве у афганцев и терпеливо переносили это бедствие, посланное на нас Аллахом за грехи наши тяжкие. Но однажды в Афганистане вспыхнуло восстание. Брат афганского эмира Абдурахмана Ис-хак решил отвоевать престол. Он бросил клич о том, что все, кто станет под его знамена, будут свободными. Воспользовавшись слабостью афганской власти, правители Шугнана, Рошана и Бадахшана, а также Вахана, скрывавшиеся до этого в пределах

Бухары, вновь вступили в свои владения, стремясь восстановить и удержать свою прежнюю власть. Но войска Абдурахмана, разделавшись с восставшими, в ярости прошли по нашим землям, сжигая и уничтожая все на своем пути. В короткий срок слабые, разрозненные силы князей были разбиты, имущество сожжено, а жены и дети отведены в Афганистан и проданы в рабство. Большинство из уцелевших бросились в Россию и Китай через суровый Памир, где многие погибли от голода и холода, а другие попались в руки памирского разбойника Сахиб-Назара и были выданы афганцам. Только немногим счастливицам удалось благополучно добраться до Ферганской долины. Во время восстания я командовал конным отрядом, но как бы хорошо я ни воевал, дело наше было обречено на неудачу. Снова завоевав непокорные княжества, афганцы ввели свои порядки и законы, в крепостях оставили войска во главе со своими офицерами, которые безнаказанно творят все, что хотят. У меня афганский офицер взял себе в наложницы двух дочерей, а жену мою, которая в мое отсутствие защищала бедных девочек, приказал зарезать. Когда в прошлом году на Памире появился русский полковник с вооруженным отрядом, мы обрадовались, думали, что русские, видя наше бедственное положение, решили заступиться за нас, и за одну ночь, когда отряд стоял на границе Шунгана, вырезали всех афганцев, солдат и офицеров, бесчинствовавших в нашем ханстве. Афганцы побоялись тогда мстить нам за смерть своих соплеменников,

полагая, что русский отряд двигается для нашего освобождения, но мы ошиблись. Отряд ушел, и как только афганцы узнали об этом, то с неистовым ожесточением бросились на моих несчастных соплеменников, и кровь рекой полилась по долине реки Бортанга. Нашей мирной жизни пришел конец, и теперь сотни таджикских семейств бегут в Россию просить заступничества Ак-Паши – Белого Царя...

Рассказчик глубоко, с надрывом вздохнул и неторопливо поправил свалившийся с плеч ободранный халат, причем грудь его и правая рука оголились. Баташов с любопытством взглянул на его худую, но довольно мускулистую грудь, на которой виднелись две большие белые круглые метки, величиной с копейку, резко выделявшиеся на бронзовом фоне тела.

– Что это такое? – спросил он таджика.

Шунганец опустил голову и, ткнув пальцем в один из знаков, вскинул на офицера свои огромные голубые глаза, в которых вдруг вспыхнул злобный огонек, потом сказал:

– Это? Это – пули, которые я получил, сражаясь с афганцами.

Дав путнику на дорогу хлеба и немного денег, Баташов скомандовал батарее продолжать движение, намереваясь к вечеру добраться до гарнизона.

Доложив командиру артиллерийской бригады полковнику Егорову об успешно проведенных стрельбах, Баташов рассказал ему и о встрече с шунганцем, о трагедии, постигшей

его народ.

– Я уже не раз слышал о притеснениях афганцев. Жаль горцев, конечно, – с сожалением сказал полковник, – но, несмотря на неоднократные просьбы инородцев о помощи, из Санкт-Петербурга идут лишь успокоительные отписки.

– Господин полковник, – неожиданно обратился к Егорову адъютант, явно услышавший рассказ Баташова, – только что получена телеграмма об откомандировании конно-горной батареи в распоряжение экспедиционного отряда, который формируется из подразделений Туркестанского военного округа для похода на Памир.

– Ну, наконец-то! – сказал удовлетворенно Егоров. – Положительно радостное известие. Уж засиделись мы, пора и пороху понюхать. А кого в поход отправим? – спросил тут же он, задумчиво глядя на адъютанта.

– Разрешите мне! – сразу же, не раздумывая, предложил Баташов.

– Ну, что ж, – удовлетворенно произнес полковник, – я не возражаю. Ваша батарея одна из лучших в бригаде. Да и офицеры у вас подобрались один к одному. Я думаю, командование отряда будет вами довольно. Как вы думаете, штабс-капитан?

Адъютант, явно польщенный доверием командира артиллерийской бригады, выпалил:

– Подпоручик Баташов – хороший командир, способный принимать самостоятельные решения. Вот только... –

Штабс-капитан замялся.

– Ну, договаривайте же скорей, – нетерпеливо произнес Егоров.

– Господин полковник, нас в штабе округа не поймут, если мы отправим командиром отдельной конно-горной батареи подпоручика.

– Так в чем же дело? Подготовьте мне сегодня же представление на Баташова. Пора ему быть поручиком. Заслужил!

– Благодарю, господин полковник! – искренне произнес Баташов. – Я оправдаю ваше доверие.

– Не мне служи, голубчик, а родному Отечеству своему. И как говаривал царственный батюшка наш Петр Алексеевич: «Бог высоко, а Царь далеко; однако у первого молитва, а у другого служба не пропадают!» Готовьте батарею к походу.

Отряд, который возглавил генерального штаба полковник Константин Павлович Пустошин, был сформирован из полубатальона 2-го Туркестанского линейного батальона, полубатальона, скомплектованного из охотничьих команд всех батальонов Ферганской области, казачьего Оренбургского полка, конно-горной батареи, саперной команды, а также отделения телеграфистов военного телеграфного парка.

Когда все подразделения прибыли к месту сбора в городок Маргелан, полковник Пустошин собрал всех командиров подразделений.

– Господа офицеры, – начал Пустошин, – перед нами сто-

ит ответственная и, прямо скажу, довольно нелегкая задача: пройти по самым труднодоступным перевалам и долинам Памира, в коих местах даже не ступала нога православного. Зачем, спросите вы. Да затем, чтобы своим личным присутствием утвердить пределы Российской империи на Востоке. Вы, наверное, уже не раз слышали о том, что афганцы постоянно нарушают договоры о границах и выставляют свои посты на нашу территорию далеко за пограничную линию. Подстрекаемые англичанами, они заняли Кафиристан и Канджут, а кроме того, владеют совершенно незаконно никогда не принадлежавшими им ханствами: Шунган, Рошан и Вахан, грабят и насилуют горцев, угоняют в полон русских подданных. Китайцы, видя бесчинства афганцев, от них не отстают, производя беспорядки со стороны кашгарской границы. Я прошу господ офицеров подойти поближе.

Стоя у стола, все поле которого занимала карта, Пустошин очертил указкой пределы владений Российской империи на Востоке. Более подробно он остановился на маршруте следования отряда.

– Нам необходимо пройти по высокогорным отрогам Памира, по границе соседствующих с нами ханств: Шунган, Рошан и Вахан и тем самым утвердить нашу естественную границу с Индией по хребту Гиндукуш. Эта военная и частично научная цель нашей экспедиции. А политическая... – Генерального штаба полковник задумался. – Не мне вам рассказывать о трагическом положении инородцев, заселяющих

Памирские ханства. Ведь афганцы истязают их хуже, чем турки сербов и болгар до освобождения Болгарии от иноземного ига. Поэтому наше правительство и решило таким образом показать всем, что Россия не бросит в беде своих подданных и союзников и не потерпит притеснения их от афганцев.

– Вы, наверное, что-то не договариваете, господин полковник. Я хотел бы знать, почему раньше афганцы на наши земли и земли союзников не зарились, а теперь туда нагло вторглись? – неожиданно спросил Баташов.

– А-а-а, это вы, поручик, снова хотите своими мудреными вопросами поставить меня в тупик, – откликнулся Пустошин. – Что ж, вы правы. Не хотел я перед походом головы господ офицеров высокой политикой забивать, да, видно, придется, – неохотно согласился он, с укоризной поглядывая на Баташова, словно говоря: «От кого, от кого, а от вас-то, господин поручик, спокойной жизни не дождешься».

– Я постараюсь сказать покороче. Сначала немного истории. Как вы знаете, в 1865 году российской императорской армии покорился Ташкент. Еще через три года – Бухара и Самарканд. Затем Хива. Все это не могло быть не замеченным англичанами. Британской короне показалось, что Россия положила глаз на самую крупную ее драгоценность – Индию. Не имея возможности остановить расширение Российской империи на Востоке силой, в 1876 году королева Виктория спешно приняла титул императрицы Индии, слов-

но намекая нам: разевать рот на Индию – все равно что на саму Англию. С этой же целью англичане затеяли и нынешние интриги вокруг Памира. Они страшно боятся, что мы через Памир достигнем Индии и с ходу захватим ее. Так вот, желая создать «санитарный кордон» между Российской империей и британской Индией, англичане решили разделить центральный Памир между Афганистаном и Китаем. Британцы пообещали афганскому эмиру финансовую и военную помощь в обмен на захват приграничных с нами районов Памира. Что афганцы с необычным рвением и жестокостью осуществляют вот уже в течение многих лет. Теперь вы удовлетворены, господин поручик?

– Удовлетворен, господин полковник. Разрешите еще вопрос?

– Слушаю вас. – Пустошин с явным неудовольствием взглянул на Баташова.

– Когда мы выступаем?

– Ждите команду! – строго сказал полковник и, обращаясь к офицерам, добавил: – Если больше вопросов нет, то я вас больше не задерживаю, господа. Готовьте свои команды к походу. Приказ должен поступить со дня на день.

Но прошло еще долгих три недели, прежде чем гарнизон облетела молва: «Завтра в поход!»

Посыльные только-только начали выбегать со срочными поручениями из штабной избы, когда на ее пороге уже появились наиболее нетерпеливые начальники команд. И ко-

нечно же, поручик Баташов был среди первых.

– Господа офицеры, прошу всех в штаб, – пригласил командиров в хату только что прибывший начальник штаба отряда штабс-капитан Наволоцкий, – у меня есть важное сообщение!

– Знаем мы это сообщение, – с ухмылкой произнес казачий полковник Белоконь, – кабыть завтра выступаем!

– Откуда вы знаете? – удивленно спросил Наволоцкий, распечатывая полученную только что депешу.

– Да об этом уже весь гарнизон говорит, – вставил Баташов.

– Никакого понятия о служебной тайне... – удрученно промолвил штабс-капитан. – Ну я наведу порядок, дайте время, – пообещал кому-то он, знакомясь с содержанием телеграммы.

В хату спешно вошел Генерального штаба полковник Пуштошин.

– Ну, что там? – указал он на телеграмму.

– Приказ выступить, – сообщил Наволоцкий.

– Когда?

– Второго дня, в 7.00.

– А мне денщик сказал, что завтра, – явно удивился полковник.

– Слишком длинные языки у наших телеграфистов да денщиков, – недовольно проворчал штабс-капитан, – никакого порядка!

– Господа офицеры, у вас есть сутки для того, чтобы окончательно подготовиться к выходу, – не обращая внимания на ворчание начальника штаба, сказал Пустошин, – вам и карты в руки. Поход покажет, кто из вас на что гош. С нерадивых спрошу строго, по-фронтовому, – добавил полковник.

3

Растянувшись почти на версту, военная колонна медленно, серой змеей вползла в Алайскую долину и, заполнив собой почти всю ее сердцевину, потянулась в узкое ущелье, ведущее к перевалу. Знойное полуденное солнце, пыль и огромные валуны, которые постоянно приходилось обходить, уже в самом начале похода как бы предупреждали о том, что эти первые трудности – всего лишь легкая разминка, более опасные препятствия – впереди. Но так уж устроен русский солдат, что в тяготах и лишениях он не расслабляется, а лишь крепчает.

Когда голова колонны подошла к началу ущелья, Баташов, батарея которого находилась в центре походного порядка, переходя от одного офицера к другому, давал им короткие советы и напутствия. Одним – чтобы сдерживали норовистых коней, на которых были навьючены стволы горных пушек и лафеты, другим – чтобы, наоборот, помогали коням при подъеме по крутой тропе и особенно при переправе через бурные горные речки, третьим – чтобы повнимательнее

слушали команды и не расслаблялись. Встретив уверенные и понятливые взгляды солдат и офицеров, он вскочил в седло и, постоянно сдерживая явно застоявшегося в яслях артиллерийского мерина, погарцевал к перевалу. Забравшись на самый верх, он остановил коня.

Мимо него медленно двигалась длинная вереница серых, утомленных походом солдат, устало бредущих по ущелью, которое, словно кинжал, врезаясь узкою щелью в Заалайский хребет, круто забиралось ввысь от Алайской долины к перевалу Кизиль-Арт.

Баташов слез с коня и, передав поводья денщику, расстелил на плоском камне карту, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы понять, что дальнейший путь колонны будет еще сложнее и опасней. С перевала тропинка спускалась в долину реки Маркан-су, где следующим серьезным препятствием была горная речка Кок-сай. Было видно, что тропа, словно змейка, вилась вокруг скал, то круто поднимаясь вверх, то почти обрываясь вниз. Часто пересекая бурлящие воды речки, которая представляла собою немалое препятствие для движущегося обоза и пехоты, не говоря уже про артиллеристов, которым предстояло перед каждой переправой сгружать, а после переправы выучить на лошадей тяжелый и некондиционный груз.

Когда отряд, перевалив через перевал, спустился в долину, полковник Пустошин объявил ночевку. Большой и шумный табор расположился на берегу горной речки и сразу же

зажил своей дымной и многоголосой жизнью. На удивление господ офицеров, большинство из которых с ног валились от усталости, солдаты, чуть передохнув, запалили сигарки. Послышался смех и громкий говор ротных балагуров. Вдоль речки запылали костры, на которых варилась нехитрая солдатская снедь. Поужинав чем Бог послал, солдаты завалились спать.

Баташов, проверив свое небольшое конное хозяйство, выставил часовых и, оставив одного из офицеров дежурить до полуночи, лег спать. Несмотря на усталость, сон не шел. Необычно крупные в высокогорье звезды холодно мерцали над головой, словно хотели ему что-то сказать. Но их голоса, отдаленные от земли миллионами, а может быть, и миллиардами верст, не доходили до маленькой голубой планеты. Только их ледяной колючий взгляд, рожденный где-то в глубине вселенной, пронизывал холодом все человеческое существо, словно предупреждая, что Памир – не место для прогулок, что этот поход для многих, может быть, и для него самого, может стать последним.

«Бог не выдаст, свинья не съест», – бодро подумал он и, смежив глаза, тут же провалился в глубокую, бездонную яму небытия.

Казалось, что прошло не более мгновения, прежде чем Баташов услышал глухой, доносящийся словно из-под земли голос:

– Господин поручик! Господин поручик! Вы просили в

полночь вас разбудить.

Открыв глаза, Баташов увидел над собой лицо прапорщика Горчакова и вспомнил, что надо идти проверять посты.

– Хорошо, Горчаков. Можете идти отдыхать.

– Спокойной ночи, господин поручик!

– Спокойной ночи, Алеша!

Следующий день выдался довольно пасмурным. Казалось, что набухшие влагой черные облака почти опустились на землю и до них можно дотянуться рукой. Тропа, по которой двигался отряд, то проходила впритык к скалам, то пересекала бурную речку. Вьюки поминутно задевали за большие обломки скал, лежащие на протяжении всего пути, обрывались и падали, так что солдаты положительно выбивались из сил, поминутно перевьючивая лошадей. Через несколько часов поднялся холодный ветер, облака совершенно спустились на землю – и из них прямо в лицо идущим посыпала снежная крупа, вслед за которой пошел снег. Чем выше поднимался отряд, тем крупнее становились снежные хлопья. Закрутилась метель, кругом не видно ни зги. Спереди, сзади, с боков – все бело, все несло в каком-то фантастически-ужасном вихре. Идти приходилось ощупью, наобум выбирая дорогу, которая могла привести и к пропасти. Только хриплые крики «Поберегись» да ржание испуганных непогодой лошадей позволяли всем более или менее ориентироваться. Измокшие и прозябшие солдаты, одетые по-летнему, старались быстрой ходьбой хоть немного разогреть свои око-

ченевшие члены.

Глядя на своих артиллеристов, которым из-за довольно обременительного обоза приходилось много труднее, чем простым пехотинцам и казакам, Баташов думал о том, что же толкало солдат идти вперед, несмотря на промозглый холод и вьюгу, преодолевать одно препятствие за другим.

Конечно же это тот «русский дух» – сам же отвечал на этот свой вопрос Баташов. Тот «русский боевой дух», о котором он не раз слышал в стенах училища от офицеров, еще помнящих рассказы своих отцов и дедов о походах Суворова и Кутузова, которые под командованием Скобелева освобождали Болгарию, расширяли границы Российской империи на Востоке. Вот и теперь, лишь только раздалась команда: «Привал!» – артиллеристы, быстро сняв с коней тяжелые вьюки, устроились кто под скалой, кто под огромным камнем и как ни в чем не бывало закручивали сигарки. Увидев приближающегося командира, солдаты, разместившиеся под огромным валуном, нависшим над тропой, хотели встать, чтобы его поприветствовать.

– Сидите, братцы! Отдыхайте себе. Дальше дорога еще труднее будет, – предупредил Баташов. – Если позволите, я рядом с вами присяду.

Несмотря на то что места под камнем было немного, артиллеристы уплотнились, освобождая место для своего поручика. Немного помолчав, батарейский балагур и лучший наводчик орудия, степенный бородач Кузьма Соломин, ве-

село взглянув на командира, спросил:

– А что, ваше благородие, небось, не приходилось раньше в самое поднебесье-то забираться?

– Бог миловал, – бодро ответил Баташов. – Выше Алайского перевала подниматься не приходилось. А ты, Кузьма, уже бывал на Памире?

– Как не бывать? Бывал! С самим генералом Скобелевым!

– Расскажи нам, дядя, как ты с самим Скобелевым китайцев воевал, – послышались голоса безусых батарейцев.

Ветеран вопросительно взглянул на Баташова.

– Расскажи, Кузьма, раз люди просят. Да и я не прочь послушать твои байки. Михаил Дмитриевич Скобелев и мой военный кумир.

– Было это лет шашнадцать назад. Я только-только прибыл в Маргелан с рекрутской командой из Курской губернии. Родители мои проживают в селе Пятницкое, что в Белгородской волости...

– Я и не знал, что ты курянин, – неожиданно вырвалось у поручика. – Мы же с тобой – земляки!

– Всяко бывает, ваше благородие, – откликнулся Кузьма и, затянувшись сигаркой, продолжал: – Знать, было это лет шашнадцать назад. Был я тогда молодой, да неопытный, и первый год службы показался мне адом кромешным. И когда штабные писаря объявили, что требуются охотники для похода в горы, то я сразу же согласился. Узнав об этом, ротный фельдфебель отвесил мне хорошую оплеуху. Мол, не

суйся, куда не знаешь. Посмеялись над моим охотством и старослужащие. Но тогда сам черт был мне не брат. Добился своего, взяли меня в отряд. Так что я по этим тропинкам уже не впервой хаживаю. Недолгим был тот поход. Больше всего мне запомнилась стычка с инородцами в урочище Янги-Арык. Горцы сожгли единственный мост через речку, и когда мы попытались преодолеть ее вброд, открыли из ружей огонь. Видя, что в лоб «халатников» не взять, Скобелев послал охотников в обход позиции, занятой горцами. Через несколько дней разведчики собрали подробнейшие сведения о путях обхода позиции противника. И тогда генерал направил в обход врага, со стороны перевала Талдык, отряд под командой майора Пустошина...

– Какого Пустошина? – перебил рассказчика поручик.

– Константина Павловича, нашего нынешнего отца-командира, – радостно сообщил ветеран. – Мы уже который раз с ним по Памирам хаживаем, – с гордостью добавил он.

– А что дальше было, дядя? – слышались нетерпеливые возгласы солдат.

– А дальше все было просто. Пробрались мы под предводительством майора в тыл «халатникам» и внезапной атакой сбросили неприятеля в реку. Только нескольким главарям удалось бежать. Мы кинулись в погоню, но чуть было не попали под камнепад у озера Кара-Куль. Пришлось повернуть обратно...

Бывалый солдат ловко скрутил сигарку, насыпал туда та-

бак и, прикурив у соседа, самозабвенно затянулся.

– Я слышал, что генерал Скобелев пленил алайскую царицу? – прервал Баташов явно затянувшееся молчание, прерываемое лишь щемящим душу завыванием ветра.

– Да, была царица! – подтвердил Кузьма и, передав сигарку по кругу, продолжал: – После боя под Янги-Арыком царица Алайской долины бежала в Китай. Ну, бежала и бежала. Наше дело воевать. Поступил приказ, и мы двинули дальше в горы. Высотища такая – аж дух захватывает. Выходим однажды в широкую долину, смотрим, а там богатые табуны коней и стада овец пасутся. Вот Михаил Дмитрич и говорит: «Небось, царица вернулась, раз табуны ее здесь». Высланный вперед казачий дозор подтвердил его догадку. И то верно, ведь в ту пору в Памирах только у нее были такие богатые стада и табуны. Увидев нас, почти все инородцы в ужасе кинулись в горы, оставив на произвол судьбы хозяйку большой белой юрты. Пока шли переговоры с рослым джигитом, оказавшимся родственником царицы, из юрты вышла невысокая худая женщина с черным морщинистым волевым лицом. Сложив на груди руки, она поклонилась нашему генералу. Скобелев тут же соскочил со своего коня и, по восточному обычаю прижав правую руку к груди, ответил на поклон царицы. Женщина, войско которой было накануне разбито, не могла и предполагать о таком вежливом обхождении со стороны русского генерала.

«Переведите датхе (датха – это царица, – пояснил Кузь-

ма), – сказал Скобелев толмачу-киргизу, – что я очень рад видеть ее в добром здоровье и надеюсь, что она, пользуясь своим огромным значением на Алае, повлияет на кочевое население склониться к миру и подчиниться требованиям России».

Он говорил о ее мудром управлении, о том, что ее уважают жители соседних долин, и еще много чего. Если говорить коротко, то своими добрыми и ласковыми речами, богатыми подарками генерал пленил царицу. Особенно когда набросил ей на плечи расшитый золотом халат. Бабы любого достоинства очень падки на подарки, – со значением закрутив ус, добавил Кузьма. – Так вот после этого мы с киргизами больше не воевали. Они стали верноподданными, как они говорят, «Ак-паши» – Белого царя...

– Ваше благородие, – неожиданно прервал рассказчика посыльный, обращаясь к Баташову, – господин полковник распорядился через полчаса начать движение.

– Ну что, братцы, отдохнули немного?

– Маненько перекурили, ваше благородие. Пора и честь знать, – откликнулись артиллеристы и, прикрываясь куцыми воротниками шинелешек от бьющей в лицо снежной крупы, поспешили к своим лошадям...

4

Прежде чем поступила команда продолжать движение,

все пушки и боеприпасы были навьючены на лошадей, и коноводы, стараясь подбодрить своих понурых животных, подкармливали их оставшимися с утреннего чая горбушками.

Ветер понемногу стихал, и вскоре тучи, разорванные ост-роверхими скалами на мелкие лоскутки, скрылись за горизонтом. Над перевалом вновь встало солнце, которое, отражаясь от только что выпавшего снега, нещадно слепило людей и животных.

– Не успела одна напасть пропасть, как другая насть, – невозмутимо балагурил Кузьма, натягивая на глаза повязку из шинельного сукна с узкими прорезями.

– Что это у тебя за повязка? – удивился Баташов.

– В горах это самое надежное средство от слепящих солнечных лучей, ваше благородие. Если не побрезгуете, то у меня еще одна штука припасена.

– А что ж, давай, – решительно сказал поручик, и, взяв из рук бывшего солдата пропахший ружейным маслом лоскуток, быстро закрепил его на голове. Сквозь горизонтальные щелки повязки хорошо просматривались окрестности, и, что самое главное, резь в глазах от ослепительного солнечного света значительно уменьшилась.

Перейдя через перевал, колонна начала медленно, но уверенно спускаться в долину, в глубине которой бушевала горная речка.

Люди и обоз растянулись. Меж огромных валунов вяло переставляли ногами измученные солдаты и выючные лоша-

ди.

Молодой солдат-артиллерист Петр Кузьмин, с трудом перешагивая валуны, в изобилии валяющиеся на тропе, понуро брел рядом с самым рослым артиллерийским меринком, прозванным в батарее Васькой. Бедное животное, на которое безжалостно было приторочено пудов девять казенного груза, вытягивая шею и низко опустив голову, казалось, напрягало последние силы, чтобы не скатиться по осыпи. Кузьмину стало жаль лошадь, и он, несмотря на усталость, стал рукою подпирать накренившийся на одну сторону выюк. Лошадь, поёживая селезенкой, время от времени останавливалась. Останавливался и солдат, с трудом поддерживая усталое животное. Неожиданно лошадь остановилась, казалось, окончательно.

– Чего стал, ей! – раздался голос казака.

Кузьмин ничего не ответил, а спокойно, без крика подошел к измученной лошади, поправил выюк и проговорил: «Айда!» Животное, устало заржав, двинулось дальше.

Между тем колонна подошла к горной речке. Сильные воды ее как будто кипели, пенились, ударяясь о камни, и наполняли воздух таким шумом, что невозможно было слышать крика даже в нескольких шагах от кричащего.

Одно за другим покорно спускались вьючные животные в холодную воду и, медленно ступая по каменистому дну, с трудом передвигали ногами против течения, ежеминутно рискуя быть сбитыми с ног и унесенными бурными водами.

Ободряемые криками солдат и коноводов, лошади двигались одна за другой по направлению к противоположному берегу. Вот и Кузьмин со своим Васькой осторожно подошел к реке. Увидев у себя под ногами бушующий поток, животное захрапело и попятилось. «Айда, айда!» – ободрял артиллерист, но лошадь не шла, только огромные глаза ее выражали боль и страх.

– Почему стоим? – спросил подъехавший на своем коне Баташов.

– Не знаю, ваше благородие. Не по нутру ей что-то.

– Не задерживай переправу! Всыпь хорошенько своему мерину нагайкой. Он не только пойдет, а и поскачет, – задорно прокричал поручик и, дав шенкелей своему коню, быстро переправился через речку.

– Жалко тварь бессловесную стегать! – крикнул вдогонку офицеру солдат и, схватив мерина под уздцы, потащил его за собой. Повинуясь человеческой воле, лошадь пошла вперед, но сунув передние ноги в поток, в нерешительности остановилась. Переправившись через речку, Баташов с интересом наблюдал за Кузьминым. Когда солдат погрузился в кипящий водоворот выше колен, его начало понемногу сносить. Не выпуская из рук уздечку, он пытался преодолеть течение, но внезапно попал в яму и уже не смог осилить бушующего потока. Кузьмина понесло по течению, несколько мгновений лошадь еще держала его, но вскоре он сбил с ног и ее. В волнах мелькнула и пропала голова лошади.

На берегу раздавались крики:

– Держи, утонул! Лошадь-то лови! Боеприпасы на ней! Не сыщешь ведь ничего потом!

Видя, что лошадь вместе с Кузьминым уносятся водой к порогам, Баташов, не раздумывая, галопом поскакал по берегу, стараясь опередить бешеный поток. Спрыгнув на ходу, он, держа одной рукой в поводу коня, бросился в воду. В волнах показалась голова артиллериста и вновь исчезла, чтобы через несколько мгновений появиться снова. Поручик только-только успел ухватить за ворот шинели явно захлебнувшегося солдата, как следующая волна накрыла с головой и его.

«Только бы конь не подвел», – подумал Баташов, еще крепче сжимая одной рукой уздечку, другой – отворот солдатской шинели.

Конь не подвел. Сделав несколько шагов по воде вслед за хозяином, он, видя, что тот исчез в волнах, испуганно остановился и стоял, громко хрипя, как вкопанный.

Вскоре подоспели переправившиеся первыми казаки и вытащили из разбушевавшейся реки поручика, державшего мертвой хваткой за воротник шинели солдата.

Первыми словами «утопленника», после того как из него вылили всю речную воду, были:

– Благодарю тебя, Господи!

– Да ты не бога благодари, а поручика своего. Если б не он, то ты вместе со своей лошастью уже давно бы покоился

на дне речки.

– А мерина, что, не спасли? О, Господи Боже мой! Ведь во выюке находились заряды к пушкам. Как же мы теперь воевать-то будем?

– Не журишь, артиллерист, – отозвался один из казаков, – радуйся, что живота своего не лишился.

– Спаси вас Боже, ваше благородие, – запоздало поклонился Баташову Кузьмин. – По гроб жизни обязан я вам, ваше благородие, господин поручик.

– Ничего, браток, – сказал, смущаясь, Баташов. – Поди обсушись! Там наши артиллеристы костер разожгли. Здесь и заночуем.

Кто не бывал в походах, а особенно в горных, тот не может понять того восторга и подъема духа, какие доставляет усталому, измученному человеку голубая струйка дыма бивуачной кухни, весело поднимающаяся змейкой к облакам. Будь солдат изнеможен до последней степени, он непременно оживет, силы его возобновятся, как только он издали увидит этот соблазнительный бивуачный дымок. Но не только люди, даже лошади прибодряются, ощущая дым, и радостно ржут и рвутся из-под своих тяжелых и неудобных выюков.

«Бивуак!» – разносится радостное известие по всем концам растянувшегося отряда, и все, напрягая последние силы, стараются как можно скорее преодолеть небольшое расстояние, отделяющее их от желаемой цели.

Около кухонного котла уже сгруппировалась кучка подо-

шедших погреться солдат, ружья составлены в козлы, число коих увеличивается по мере подхода отставших. Маленький костер, сложенный из небольшого количества захваченного топлива, еле-еле горит, распространяя вокруг себя едкий дым тлеющего сырого терескена, но все же, несмотря на эту неприятность, каждый старается ближе протянуть к нему окоченевшие руки. Кухонная прислуга, пришедшая раньше, ставит палатку, в которую вскоре забрались офицеры в ожидании своих вещей и палаток.

Через бурную реку уже перебралось порядочно народу, но обоза, конвоя его и арьергарда все еще не видно. Только спустя несколько часов подошел наконец и обоз с промокшими подстилочными кошами, палатками и разными солдатскими и офицерскими вещами.

К вечеру вновь пошел снег, и потому прозябшие на ветру солдаты, мигом установив палатки, стали было греть воду в манерках. Но мокрый кизяк не горел, а другого топлива найти просто не удалось. Так и пришлось солдатам лечь, даже не согревшись чайком.

– Хотя бы водочки выдали для сугреву! – ворчал Кузьмин, успевший к прибытию обоза обсушиться у костра. То ли по недогляду интендантов, то ли еще по какой причине, но водка почему-то выдана не была. Да и суп с недоваренным мясом поспел только к первому часу ночи, и, конечно, разоспавшиеся люди так его и не поели.

На следующее утро погода прояснилась. Сквозь серые

кочки снежных облаков просвечивало голубое небо. С рассветом артиллеристам удалось найти заросли терескена – и вскоре удалось согреть чайники. Каким вкусным показался на этот раз черствый сухарь с чаем, сильно пахнущим дымком! С каким наслаждением пили его все, начиная от командира и кончая солдатом.

Раздалась команда, и отряд тронулся в путь по тропе, ведущей к высокогорному перевалу Кизиль-Арт.

На высоте более четырех тысяч метров стало труднее дышать. Солдаты часто останавливаются, чтобы перевести дух. От этого колонна, словно гармошка, то растягивается на несколько верст, то теснится на небольшом пространстве между скалами и обрывом... Все круче и круче поднималась узенькая тропа, заваленная камнями. Справа обрыв, на дне которого бежала речка Кок-сай, извиваясь между гранитными утесами. Перевал был покрыт снегом, кругом не видно ни деревца, ни кусточка – все серо, пустынно и мрачно.

Часто стали попадаться то с правой, то с левой стороны тропинки выбеленные непогодой кости лошадей и верблюдов.

Два пластуна из передового охранения первыми добрались до перевала. Остановились там и с восхищением глянули окрест.

– А што, братцы, вот и на небо сичас запрыгну, – пошутил один из них – рослый, крепкий детина. – Смотри, ребята! – и он с криком: – Ура! – бросился вперед, карабкаясь по снегу,

и вмиг взобрался на самую вершину перевала. Но тут силы покинули его, и он в изнеможении плюхнулся прямо на снег.

– Ну и гора! Ну и горища, дьявол ты побери! – сказал другой – широкоплечий, пониже ростом. Остановившись и тяжело дыша, он взглянул на скрывающуюся в облаках вершину, оседланную более удачливым товарищем, и, разродившись целым потоком крепких русских словечек, полез далее...

Вершина перевала господствовала над окрестными хребтами, и оттуда перед глазами открывался чудный вид: с боков заснеженные горные кряжи угрюмо и мрачно стояли у подножия перевала, а спереди зиял крутой обрыв, в конце которого виднелась долина реки Маркан-су. Баташов, видя себя выше окружающих вершин, несмотря на одышку, невольно испытывал радостное чувство от того, что забрались так высоко, выше облаков.

Вскоре на вершину поднялись и остальные пластуны. Ожидая подходящую к перевалу колонну, они задымили своими сигарками и трубками, словно только что и не падали от усталости. Глядя с высоты на карабкающихся к перевалу людей, они беззлобно шутили.

– Эй, дядя, тебе помочь? – крикнул широкоплечий, видя, что безлошадный Кузьмин с трудом тащит на плечах палатку, которую на крутом подъеме снял с вьюка выбивающейся из сил артиллерийской лошади, стараясь хоть этим немного облегчить ношу бессловесной животины.

– Не надо. Мы сами с усами, – бодро откликнулся артиллерист и прибавил шагу.

Среди первых из команды артиллеристов забрался на перевал Кузьма. Подойдя к валуну, возвышающемуся над седловиной перевала, он сбросил тяжелый тюк себе под ноги и, истово перекрестившись, присел на него.

– Ну что, архаровцы, – обратился он к пластунам, – не надоело зубоскалить?

– Да мы, дядя, так, от скуки разговариваем, чтоб хоть немного согреться, – улыбнулся во весь рот детина.

Вскоре подтянулись остальные. Командир отряда объявил привал.

Артиллеристы расположились на месте, который застолбил Кузьма. Здесь меньше задувало, и редкие снежные заряды, казалось, обходили огромный валун. Вслед за подбадривающим табачным дымком слышались солдатские остро-ты и разговоры.

– Ну что, братцы, совсем зимушка-то расейская, смотри: все уши залепило, – сказал молодой артиллерист, зябко кутаясь в свою потертую шинелишку.

– А в Маргелане-то, поди, теперь солдаты лежат себе да фрухтой разной обжираются, – завистливо произнес ветеран, выколачивая о каблук трубку. – И не пойму, для ча это нас повели сюды, кому нужны эти камни, пропади они совсем, ишь сапожишки о них, проклятых, размочалил, – прибавил он, рассматривая свои порядком изношенные сапоги.

Но недолго длился привал. Прозвучала команда, медленно, как будто нехотя, поднялись со своих мест солдаты и снова безмолвно шли вперед – навстречу рассвирепевшей стихии. Как ни хотелось бы подольше отдохнуть, но положительно нет физической возможности делать более или менее продолжительные привалы в такую погоду, когда даже во время ходьбы холод пронизывает до костей, а попадающий за воротник снег, тая, холодными струйками бежит по спине. Но вот после полудня снег мало-помалу начал стихать, и вскоре дорогу можно было уже различать на довольно далекое расстояние.

Спуск в долину реки Маркан-су довольно крут и извилист, но под гору идти – не то что в гору, а потому чуть не бегом спускаются солдаты, перегоняя один другого, и, перейдя вброд реку, идут по глубокому песку вдоль по широкому ущелью, окаймленному невысокими покрытыми снегом горами.

Нелегко было забираться на перевал и потом с него спускаться. Но оказалось еще труднее двигаться по рыхлой песчаной дороге высокогорной долины. Встречный ветер, несущий целые облака пыли, еще больше затруднял движение отряда. Люди и лошади, тяжело дыша, еле тащили ноги. По пути то и дело попадались отдыхающие солдаты, грустно, без обычной болтовни протиравшие от пыли глаза и уши.

Прикрывая глаза и рот башлыком, Баташов направил мерина в голову своей команды, подбадривая по дороге отстав-

ших артиллеристов.

Явно обессилевший, молоденький вольноопределяющийся, чтобы удержаться на ногах, схватил болтающийся конец веревки, свисающий с вьюка артиллерийской лошади, и, машинально переступая ногами, бредет вслед за ней. Лошадь, почувствовав дополнительную нагрузку, прижимая уши и скаля зубы, то и дело намеревается лягнуть его, чтобы отделаться от лишнего груза. Но вьюк не дает ей привести в исполнение свое намерение, и животное в бессильной злобе покоряется своей участи.

– Ну что, братец, устал? – посочувствовал вольноопределяющемуся Баташов. – А то садись ко мне.

Поручик сдвинулся на круп лошади, уступая место юноше в седле. Конь, недовольно заржал, когда второй седок, устроившись в седле, чуть ли не лег ему на шею.

Еще несколько верст прошел отряд долиной, прежде чем перед людьми предстала огромная равнина, окруженная кольцом совершенно белых, снеговых гор, среди которых черной жемчужиной блестело озеро Кара-куль.

– Ну, ребята, завтра мы, значит, на эфту самую Памиру пойдем! Сам слышал, как командир батареи господам офицерам сказывал! – поделился своим секретом полишинеля вездесущий Кузьма.

Все искренне обрадовались тому, что наконец-то добрались до этого неведомого и страшного Памира. Но никто не задумывается о том, сколько ему еще предстоит пройти по

этой каменной, горной пустыне.

Расположившись на берегу озера на ночевку, солдаты, не дожидаясь обоза, нашли достаточное количество сухого кизяка и терескена и разожгли костры.

Интендантская команда быстро поставила командирскую палатку, а повар в это время приготовил чай. Вскоре майор-интендант пригласил господ офицеров к командирскому столу. В палатке стало шумно. Офицеры, собравшись вокруг ротного барабана, на котором, как на столе, с трудом умещались десятка два стаканов с чаем и тарелки с закусками, попивали горячий напиток, хвалили хозяина и проклинали так некстати обрушившуюся на долину метель. Ветер то и дело пытался взволновать полотнище, увлечь вслед за собой в ближайшую пропасть, но палатка, обложенная снаружи крупными валунами, стояла неприступной для швальных наскоков крепостью. Здесь несмотря ни на что было тепло и уютно. Над барабаном поднимался густой пар, распространяя вокруг неповторимый аромат индийского чая.

– А что, господа офицеры, – чуть повысив голос, сказал Пустошин, – знаете ли вы, что мы находимся в трех верстах от земного рая.

– Неужели?

– Не может быть!

– Вот дела! – слышались восклицания офицеров.

– А это факт! – уверенно заявил полковник. – Отсюда не больше трех верст до неведомой и сказочно богатой Индии!

В свое время с Михаилом Дмитриевичем Скобелевым мы чуть-чуть не добрались до истоков самого Инда.

– Просто не верится, что в скором времени и мы можем спуститься из поднебесья в цветущую Индию с ее сказочными парками и дворцами махараджей, – воскликнул Баташов. – Как хотелось бы, и в самом деле, хоть одним глазком взглянуть на этот земной рай...

– Ну, пока все это можно осуществить лишь теоретически, господин поручик. Нам предписано лишний раз не раздражать «британского льва». В лучшем случае считается возможным лишь дать по рукам, то бишь – по загребушим лапам одного зверя. Но не более того. Так что, Евгений Евграфович, придется вам повременить. Быть может, в следующий свой поход в Памиры вы и в самом деле сможете окунуть свои сапоги в воды Инда, – заключил Пустошин, улыбаясь.

– Нас не забудьте в этот исторический поход пригласить, – наперебой стали предлагать свои услуги офицеры, посмеиваясь над необычным желанием поручика.

Он манкировал эти дружеские уколы, но в пику всем в глубине души решил во что бы то ни стало осуществить это свое, казалось бы, несбыточное желание...

Через две недели, полностью выполнив свою задачу, отряд направился в обратную сторону, но не доходя до Алайской долины, был внезапно остановлен казачьим дозором, посланным из Маргелана. Вахмистр передал приказ срочно

спешить на помощь гарнизону пограничной крепости, которую осаждали афганцы.

Собрав офицеров, Пустошин зачитал приказ.

– Господа, – сказал в заключение он, – в Маргелане сейчас полным ходом идет формирование отряда для оказания помощи защитникам крепости, но он сможет добраться до места лишь через две-три недели. За это время у защитников кончатся все боеприпасы, и им будет угрожать неминуемая смерть от рук кровожадных горцев, которые по приказу афганского эмира и с молчаливого одобрения англичан намерены отодвинуть наши границы на Памирах, подальше от Индии. Мы же находимся в трех днях пути от этой пограничной крепости. Надо объяснить нижним чинам, что от нас ждут скорейшей помощи. Если есть вопросы, я готов на них ответить.

– Что говорить, – выразил общее мнение офицеров Баташов, – сам Бог велел нам помочь и, если понадобится, «... головы сложить за други своя»!

За два дня преодолев сотню верст по горным перевалам и караванным тропам, отряд с ходу атаковал закрепившихся у цитадели афганцев и, прорвавшись к крепости, захлопнул ворота перед самым носом наседавшего врага.

Глава III

Белгородский уезд. Октябрь 1894 г

1

После поистине чудесного спасения от палаша афганского палвона¹, который чуть было не зарубил его во время очередной вылазки отряда охотников, который он возглавлял, поручик Баташов не на шутку задумался о своей дальнейшей судьбе.

Нет, он не собирался, как некоторые малодушные офицеры, которые после сидения в крепости засыпали начальство рапортами об отставке, бежать из Туркестанского края, а напротив. Познакомившись и подружившись за время похода по Памирам, а особенно после совместной обороны крепости, со многими настоящими защитниками границ Отечества, он и мысли не допускал оставить здесь службу. И если бы планировался очередной поход по поднебесным нехоженным путям Памиров, он бы непременно принял в этом деле участие.

Просто, почувствовав однажды у своего виска холодок смерти, поручик вдруг с ужасом осознал, что на нем мог пре-

¹ Богатыря.

сечься древний служивый род Баташовых, в котором были и полковники, и генералы, и даже один адмирал, который вместе с Петром Великим создавал российский флот. И весь этот славный род мог в одночасье сгинуть вместе с ним. А этого он допустить никак не мог.

«Ведь не раз говорила мне мама, сынок, пока я жива, давай-ка сосватаю тебе женушку и живи, как все хорошие люди, – вспомнил он слова матери. – Так нет же, сам себе дал зарок до окончания академии и не думать о женитьбе, – с негодованием подумал он, – а ведь академия от меня никуда не уйдет, главное, чтобы тыл был надежный». С этой решительной мыслью Баташов, заручившись разрешением начальника артиллерийской бригады на женитьбу, и направился в очередной отпуск, на свою малую родину.

После окончания училища, а особенно после того как безвременно скончалась мать, а вслед за ней и израненный в последней Русско-турецкой войне отец, Баташов довольно редко навещал родные пенаты. Служба вдали от родных мест, повседневные дела и заботы отнимали слишком много времени. Всякий раз, как только получал он письма с отчетом от управляющего имением Кульнева с подробным описанием хозяйственных и финансовых дел, он порывался съездить в родные края, но все новые и новые заботы очень быстро отвлекали его от этой ностальгической мысли. И так до следующего письма.

И вот он в своем родовом поместье. Коляска, запряженная

двумя орловскими рысаками, управляемая довольно расторопным малым, доставила Баташова от вокзала до домашней церкви, златоглавой свечой возвышающейся у самого въезда в усадьбу.

– Хвала тебе, Господи! Вот я и дома, – чуть слышно промолвил он и трижды перекрестился.

Дорога к белокаменному особняку, как и прежде, была окаймлена рабатками махровых роз. Сердце поручика радостно забилося, лишь только за поворотом показался двухэтажное строение с колоннами. Но радость первой встречи с приютом юных лет была недолгой. Одного взгляда пытливых глаз было достаточно для того, чтобы сделать неутешительный вывод: отчий дом, словно старый ветеран, вышедший в отставку и всеми забытый, начинает дряхлеть. На колоннах, поддерживающих шатровый навес над входом в здание, были видны тщательно заделанные трещины и сколы, на стенах кое-где осыпалась штукатурка, обнажая кирпичную кладку. У одного из мраморных львов, охраняющих вход в дом, напроць отвалилась угрожающе поднятая лапа.

«Нет ничего трагичнее пустующей усадьбы», – тоскливо подумал Баташов, пристально разглядывая обветшавшую и потому еще более дорогую сердцу родовую обитель, просторно разместившуюся на возвышенном меловом берегу медленно несущей свои воды реки Оскол. В наплывающих с близлежащих меловых гор сумерках, только-только начинавших окутывать усадьбу, окна особняка и каменных галерей,

примыкавших с обеих сторон к дому «в полуциркульном виде», глядели на белый свет темными глазницами. Только в кладовых и флигелях для прислуги тускло светились небольшие оконца. Опустевшее и уже начавшее ветшать без надзора хозяина поместье скрашивали лишь пышные цветники с фигурными клумбами из тюльпанов, лилий, левкоев, мальв и резеды, так любимых матерью.

Главной достопримечательностью поместья был простирающийся до самых меловых предгорий парк и сад. С дороги были видны прогнувшиеся почти до самой земли, густо унизанные плодами ветви золотого ренета.

«Надо распорядиться, чтобы управляющий мужиков собрал. Давно пора подпорки ставить», – по-хозяйски подумал Баташов, неторопливо выбираясь из остановившейся напротив парадного крыльца коляски.

Поручика встретил управляющий именем Кульнев, крупного сложения рыжебородый мужик, сын кормилицы и друг детских игр и шалостей.

– Ну что, Афанасий, соскучился, небось?

– Соскучился! Соскучился, батюшка, Евгений Евграфович! Заждались мы вас. Уж и не верилось, что вы наконец-то осчастливите нас своим присутствием.

Кульнев смахнул рукавом выступившие в уголках глаза слезы искренней радости, нагнулся, чтобы поцеловать барину руку.

– А вот этого не надо, – строго сказал поручик, пряча руку

за спину. – Ты лучше расскажи, как кормилица моя и твоя матушка Арина Денисовна поживает.

Управляющий скорбно опустил глаза долу.

– Во сырой земле покоится матушка Арина, – с надрывом в голосе ответил Афанасий. – Вот уже год пошел, как снесли сердешную на церковный погост.

– Прости, Афоня, я не знал, – Баташов дружески похлопал управляющего по плечу. – Зайдешь вечером, помянем кормилицу ласковую мою, – сочувственно добавил он, проходя в переднюю.

Все в родительском доме было до боли знакомо, навеки запечатлевшись в памяти. После передней начинался длинный зал, составляющий один из углов дома, с высокими стрельчатыми окнами в двух стенах и потому несмотря на сумерки прекрасно освещенный.

В глухой капитальной стене зала было двое дверей. Первая, низкая, вела в темный коридор, в конце коего была девичья и черный выход во двор. Вторая, такого же размера дверь, вела из гостиной в детскую и далее в спальню, составляющую другой угол дома. Эти комнаты и поперечная часть зала были обращены к цветнику. Зал и комнаты были уставлены мебелью красного дерева. В двух простенках между окнами висели зеркала, под ними виднелись тумбочки с цветочными вазами, напротив углового кожаного дивана сиротливо стоял ломберный стол. По обеим сторонам дивана симметрически выходили два ряда неуклюжих кресел. Вся эта

мебель была покрыта белыми чехлами.

В спальне стояла просторная кровать, полумягкая клеенчатая софа, а в углу – этажерка с лучшим хозяйским чайным сервизом, затейливыми дедушкиными бокалами, фарфоровыми куколками и подобными безделушками.

Просторный отцовский кабинет, выходящий окнами в сад, располагался на втором этаже. Из гостиной к нему вела витая лестница, отделанная мореным дубом. Кабинет был уставлен шкафами с книгами и стеллажами, где размещались самые разнообразные предметы, привезенные отцом с войны и из дальних странствий. В углу стоял просторный кожаный диван, которой частенько служил хозяину удобной кроватью. У самого большого окна стоял письменный стол красного дерева, покрытый зеленым сукном. На этот стол Баташов установил купленную на богатом восточном базаре настольную лампу, основу которой составляла резная лазуритовая колонна, увенчанная фигуркой слона, выточенного искусными индийскими мастерами из слоновой кости. Украшенная фигурным абажуром из плотной ткани, обрамленным по периметру разноцветными бусинками, она стала теперь главной достопримечательностью кабинета. Мягкий свет и притягивающие взор перламутровые бусинки создавали вокруг уют и внутренний порядок, которые так необходимы для отдохновения после трудов праведных.

Установив лампу, Баташов сдернул чехол с резного, старинной работы кресла и устало плюхнулся на мягкое сиде-

ние, ощущая во всем теле истинное блаженство. Блаженство от того, что наконец-то добрался до своего родового гнезда, что наконец-то может хоть ненадолго забыть о службе. Только здесь, в этом уютном кабинете, где все напоминало ему о детстве и юности, он чувствовал себя поистине счастливым.

«Вот если бы рядом со мной сидела красавица-жена, то я бы непременно чувствовал себя счастливейшим человеком в мире», – мечтательно подумал он, рисуя в воображении стройную и прекрасную незнакомку, которую однажды увидел на фотографии в журнале для взрослых, который кадеты рассматривали по ночам втайне от офицеров-воспитателей...

Баташов проснулся с первыми петухами. Распахнув настежь окно спальни, он глубоко вдохнул влажный еще воздух.

«Густой и ароматный, хоть на хлеб мажь», – блаженно потягиваясь, подумал он о знакомом с детства, терпком, настоящем на аромате росных трав духе, окутавшем усадьбу.

Заря только-только разгоралась, освещая теплым, искрящимся золотом верхушки деревьев. Отраженный от оранжевой лучик незаметно проскользнул в комнату и скоренько пробежал по никелированным шарикам, венчающим спинки кровати, рассеивая сонный полумрак. Потом он внезапно резанул по глазам, разгоняя последние остатки дремы.

«Что ж, это хороший знак», – подумал поручик, окончательно просыпаясь, и, накинув на плечи просторный шелко-

вый халат, направился во двор, к колодцу, у которого на скамейке уже стоял наполненный до краев водой медный таз.

«Не забыл Афоня моей утренней привычки», – с благодарностью подумал он о своем управляющем.

Не успел Баташов как следует поплескаться, а из флигеля, где размещалась прислуга, уже павой выплыла светловолосая, полнотелая красавица, держа на вытянутых руках рушник.

Поклонившись в пояс, девушка протянула расшитое петухами полотенце Баташову.

– Не погнушайтесь барин, Евгений Евграфович, сама вышивала, – тихим, грудным голосом проворковала она, потупив взор.

Приняв рушник, он с удовольствием окутал тонким пахнущим лавандой холстом лицо. Потом растянул рушник на руках, любуясь искусно вышитыми красными петухами, клюющими красную смородину.

– Как звать-то тебя, милая?

– Стеша я. Прокопия-лесника дочка.

– Стешенька, – ласково промолвил Баташов. – Помню, помню отца твоего. Хороший лесничий. Да и ты, я вижу, не только красавица, но и мастерица знатная, – добавил он, возвращая рушник.

– Благодарствую, барин, на добром слове, – ответила девушка. И тут же, зардевшись до кончиков волос, комкая в руках влажный холст, стремглав кинулась к флигелю.

После завтрака Евгений решил осмотреть своим хозяйским взглядом все поместье, чтобы потом со знанием дела распорядиться насчет ремонта. Не хотелось ударить в грязь лицом перед губернским обществом. Из последнего письма Кульнева он знал, что ближайший сосед и давний товарищ отца по полку граф Петр Ильич Вышегородцев, вышедший в отставку, избран предводителем дворянства Курской губернии. И Евгений решил на следующей же неделе съездить к нему с визитом вежливости. Но дела заставили совершить эту поездку много раньше...

Кульнев, узнав о намерениях барина привести родное гнездо в порядок, тут же услужливо представил ему перечень первоочередных работ, необходимых для поддержания хозяйства и дома в наилучшем виде. На все про все потребовалось не меньше тысячи рублей. Таких денег у Баташова ни на руках, ни на счету в Белгородском уездном банке не было.

– Что же делать? – озабоченно спросил он, с надеждой взглянув на управляющего.

– Не печальтесь, Евгений Евграфович, – бодро промолвил Кульнев, – наемдни, в имение купец Фельдман наведывался. Спрашивал, не хочет ли барин запродавать рощицу, что у деревни Средние Лубянки. Настоящую цену дать сулил. Может быть, съездить за ним?

– А что это за рощица?

– Да небольшая, десятин двадцать будет. На самом отшибе стоит. Вот и повадились туда чужие мужики по дрова ез-

дить. Я третьего дня там был, видел свежие порубы. Пять лесин христопродавцы срубили и вывезли. Жаловался приставу, да тот за расследование взятку нагло требует. Я отказал. А как же! Ведь у меня каждая копейка на счету...

– И правильно сделал, – удовлетворенно сказал Евгений. – Я сам с ним потолкую. А сколько там, по-твоему, леса?

– Ядреного соснового кругляка, я думаю, не меньше трех тыщ кубических сажень будет, да дров березовых вдвое меньше выйдет.

Занимаясь подготовкой к дальним походам, Баташов частенько сталкивался с купеческими подрядчиками и прекрасно знал, что если не проверять все поставленное ими имущество и продукты досконально, то можно многого недосчитаться. И потому вникал во все финансовые и торговые вопросы, которые многие офицеры почему-то считали делом для себя недостойным. Только когда, порой в самых экстремальных условиях высокогорья, участникам экспедиций помогали выжить те дополнительные килограммы продовольствия, которые ему удавалось вытребовать у прижимистых торговцев, сослуживцы, стыдливо пряча глаза, искренне благодарили его за рачительство.

Вот и теперь, намереваясь продать стоящую на окраине имения рошу, Баташов решил сначала узнать ее настоящую цену.

– А сколько дают за кубическую сажень кругляка в городе? – спросил он у Кульнева.

– Староста Козловки в городе недавно был, приценивался. Он хочет новую избу сложить. Говорит, что кубическую сажень ошкуренных бревен купцы продавали по полтиннику. Но на корню будет стоять поменьше. А за дрова больше гривенника не дадут, – добавил управляющий со знанием дела и, вытащив из внутреннего кармана записную книжку, принялся с помощью карандаша что-то высчитывать, то и дело напряженно морща лоб.

– Так что выходит, если на корню, рублей на девятьсот, не меньше, – подвел итог Кульнев и вопросительно взглянул на барина.

– Так что, ты предлагаешь мне продать эту рощицу? – задумчиво спросил Баташов.

– Пренепременно! Мужики вокруг совсем распоясались, так и норовят чужое захватать. А на полицию надежда маленькая.

– Вези своего купца, – махнул рукой Баташов, – только торговаться с ним сам будешь.

– Знамо дело я, – согласился управляющий, – не барское это дело со всякими купчишками якшаться.

Торг продолжался не меньше часа. Баташов слышал, как Кульнев и купец, надрывая глотки, долго спорили о цене, то доходя до крика, то ненадолго умолкая, чтобы перевести дух. Наконец управляющий, явно довольный собой, предстал на пороге кабинета:

– Семнадцать рублей выторговал я у этого христопродав-

ца, – радостно объявил он и подал хозяину купчую.

– Молодец, – похвалил его Баташов, – а семнадцать рублей я презентую тебе за удачную сделку. Не зря же ты глотку драл.

– Премного благодарствую, барин, – со слезой благодарности в голосе промолвил Кульнев, – купец вас там ждет, хочет что-то сказать, – добавил он, указывая в окно.

– Что ему от меня еще надо? – взглянув в окно на стоявшего во дворе торговца, спросил Баташов.

– По закону купчую должен губернский предводитель дворянства заверить, вот он и ждет, маракуя, что вы тотчас же к начальству наведаетесь.

– Скажи ему, пусть приходит завтра к вечеру. Я постараюсь к полудню все оформить. Раньше граф меня все равно не отпустит.

2

Наутро Баташов приказал запрячь двуколку. Явно засто-
явшийся орловский жеребец серой масти косил недоверчиво
глазом на приближающегося ездока и норовисто бил о зем-
лю копытом, всем своим видом как бы предупреждая: «Если
не сброшу, то прокачу!»

И впрямь, едва только Евгений устроился в дрожках и дал
слабину вожжам, жеребец без особой натуги взбрыкнул и с
ходу рванул по дороге так, что поручик еле удержался в дву-

колке. Но забирать вожжи не стал. Конь, чувствуя смелого и опытного возницу, вскоре перешел на крупную рысь и за полчаса доставил хозяина в соседнее имение «Осколище» – вотчину графов Вышегородцевых.

Встретить раннего гостя вышел сам хозяин, Петр Ильич, среднего роста, немного сутуловатый, но явно не лишенный внешней красоты старичок-бодрячок в просторном английском пиджаке и голубых шароварах, заправленных в мягкие сафьяновые ичиги. Редкие седые волосы обрамляли его худое, даже несколько аскетичное лицо, которое оживляли лишь большие, блестящие гусарским задором и энергией глаза.

– Это кто же в наши палестины пожаловал? – спросил он, с нескрываемым любопытством разглядывая артиллерийского поручика, лихо остановившего дрожки прямо напротив него. – Неужели это тот проказник-мальчишка, что, будучи однажды у меня в гостях со своим батюшкой, чуть было не утонул в пруду, спасая мою Варюшеньку?

– Да! Это я, ваше сиятельство, – радостно воскликнул Евгений, лихо спрыгивая с двуколки. – Честь имею представиться, поручик Туркестанской артиллерийской бригады Евгений Евграфович Баташов и ваш сосед, – вытянулся в струнку офицер, предварительно разгладив усы.

– Мальчик мой! – по-отечески обнял гостя граф. – Как обидно, что твои незабвенные родители уже никогда не увидят тебя, такого бравого красавца, – скорбно добавил он и

тут же, радостно улыбнувшись, произнес: – Спасибо, что не забываешь старых друзей. Уж больно молодежь не любит нас, стариков. Навещают теперь больше по делу.

Услышав эти слова, Евгений заметно смутился.

– Я вот тоже к вам по делу, – откровенно признался он, – хотя на будущей неделе собирался нанести визит, – добавил он в свое оправдание.

– Пока не отобедаешь у меня, о делах и не заикайся, – с деланой строгостью взглянув на Евгения, изрек хозяин и, радушно улыбнувшись, добавил: – Заходи, гость мой дорогой, здесь тебе всегда рады, и не только я, – загадочно улыбнулся граф. Сделав приглашающий жест, он величественно ступил на ступени широкой беломраморной лестницы, ведущей в огромный двухэтажный дом с мезонином, покоящимся на восьми столпах, то бишь беломраморных колоннах.

Евгений с кадетских пор не был в графском доме и потому с удивлением и восхищением рассматривал роскошный холл и огромный зал, которых раньше не было.

«Видимо, Петр Ильич недавно сделал полную перепланировку своего особняка, – подумал он, – это и понятно, ведь положение губернского предводителя дворянства ко многому обязывает».

Заметив искреннее удивление на лице гостя, граф с нескрываемым удовольствием пояснил:

– Теперь, хочешь не хочешь, а я просто обязан давать балы. Вот и пришлось расширить зал. Кстати, через месяц ты

здесь можешь увидеть весь цвет нашего провинциального общества...

– Я искренне сожалею, ваше сиятельство, но через месяц я должен убыть в Туркестанский край, в свою артиллерийскую бригаду, – с сожалением сказал Евгений.

– Жаль. Но от псовой охоты ты уже не отвертишься, – строго заметил Петр Ильич, – и никаких отказов от тебя я не принимаю.

– Искренне благодарю, граф, за ваше сердечное приглашение, – обрадованно воскликнул поручик. – Даже добывая на Памирах горных козлов, я всегда мечтал о нашей, истинно русской забаве – псовой охоте!

– Я знал, что из тебя выйдет заядлый охотник. Батюшка твой во времена нашей молодости любил поохотиться, – удовлетворенно промолвил хозяин, и взяв Евгения под локоть, повлек его куда-то за собой. – Я тебе сейчас покажу самое большое свое богатство, такое, что ты в жизни не видывал, – загадочно улыбаясь, сказал восторженно он.

Хозяин и гость вышли на задний двор и направились к виднеющимся у самой кромки сада строениям.

– Это моя новая псарня, – с нескрываемой гордостью пояснил граф, – все построено по последнему слову ветеринарии и знатоков псовой охоты. Если ты не против, то я покажу тебе своих самых быстроногих любимцев.

– Отец всегда мечтал о собственной псарне, но доходы с имения не позволяли ему этого, а меньшего он не хотел. Это

его желание, наверное, передалось по наследству и мне. Поэтому я с юности мечтал принять участие в облаве на волков и лично связать хотя бы одного, но самого матерого. Вы, граф, только что подали мне надежду исполнить мою давнюю мечту, за что я еще раз искренне вас благодарю.

– Ничего, мой мальчик, мы еще с тобой наверстаем упущенное. Что и говорить, слишком уж многие юношеские мечты нашего поколения в большинстве своем так и остались неисполненными. Во всем виноваты войны, которые были слишком частыми в период нашей офицерской службы, так что нам с твоим батюшкой было не до псовой охоты. Отечество от злых врагов надо было защищать! Дай Бог, чтобы вы, молодые, как можно подольше прожили в мире, насладились теми простыми человеческими радостями, которых мы были зачастую лишены.

Из-за высоченного частокола послышался лай собак.

– Это мои любимцы, почуяв своего хозяина, затеяли переполох, – удовлетворенно сказал граф и нетерпеливо потянул гостя за собой в избу, стоящую впритык к изгороди. – Здесь живут мои псары, – гордо добавил он, входя во внутрь довольно просторного помещения с широкими лавками у стен и огромным сундуком в дальнем углу, явно с охотничьим снаряжением. Здесь же бегали комнатные борзые, для которых под лавками были устроены специальные нары.

– А это мой самый главный псарь, ловчий Пафнутий, – познакомил граф Евгения с невысоким, но широким в ко-

сти мужиком, который при появлении барина неторопливо отложил в сторону арапник, который прилаживал к отполированной до блеска дубовой ручке, степенно встал и поклонился барину в пояс.

– Ваше сиятельство, доезжачий, заездной с выжлятниками и борзятниками попеременно занимаются нагонкой своих стай. Наварщик и корытничий готовят еду. Предупреждены о предстоящей охоте и ждут команды тенетчики, загонщики, обыщики, подывалы и сырейщики. Кучера, повара, буфетчики, багажные, фурщики и прочая обслуга мной нанята и занимается устройством обоза. Ваш стремянной Ивашка готовит к выезду коней, – четко, по-военному доложил Пафнутий.

– А как поживают мои любимцы?

– Флейта, Рыдало и Фагот в предчувствии гона уже с утра заливаются, а Хватай, Удав, Налетай и Терзай дерибатят пол когтями. Слышите, ваше сиятельство, как они скребут?

И в самом деле, сквозь многоголосый лай собак до слуха Евгения иногда долетали звуки, похожие на скрежет, характерный при чистке оружейного ствола новым банником.

– Слышишь чудный, бархатистый голос? Это заливается Фагот, – радостно сообщил Евгению граф. – А вот тонкий голосок. Это моя любимая Флейта. А почему не слышно Рыдала? – спросил он удивленно у ловчего.

– Не могу знать, ваше сиятельство. Разрешите заглянуть в хлев?

– Иди вперед, мы с поручиком пойдем следом.

Как только хозяин ступил ногой во внутренний двор псарни, послышался хриплый, с гортанным оттенком, радостный лай, заглушая все остальные собачьи голоса.

– А-а, вот ты где, мой чемпион, – обрадовался граф, услышав этот голос. – Это и есть мой Рыдай. Настоящий кавыглаз. Смелее него ни одной гончей собаки в стае нет.

По мере приближения к строению, похожему на хлев, словоохотливый Пафнутий объяснял гостю предназначение огороженных загонов и других сооружений, расположенных на псарне. Перед хлевом для гончих располагался довольно просторный участок для игр молодых собак и прогулок течных сук. Для Евгения было новостью, что гончих на свободу за пределы загона не выпускают, потому что свободный выгул может привести к непослушанию собак на охоте и к потере дружности гона. Только перед охотой доезжачий с выжлятниками и заездной с борзятниками со стаями гончих и борзых поочередно занимались нагонкой.

Внутри довольно просторного помещения размещалось несколько десятков гончих собак. Большая часть из них, прибыв с нагонки, отдыхала на невысоких деревянных нарах. Только четыре самых крупных и красивых гончих, оттеснив от дверей молодняк, встретили хозяина повизгиванием и ласками.

– Ах вы мои лапушки, мои быстроногие любимцы! Скоро, скоро я выпущу вас на волков. А то засиделись вы в хлеве, –

ласковый голос хозяина утихомирил разыгравшихся псов и те, обступив его со всех сторон, тыкались ему своими умными мордами в ноги, требуя ласки или лакомства.

Граф полез было рукой в карман тужурки, но ловчий, строго взглянув на него, проворчал:

– Ваше сиятельство, опять вы задабриваете собак перед охотой. Совсем избалуете этих кобелей и суку в придачу. Если они не возглавят стаю, охоты не будет. Вы же помните, как на прошлой охоте Фагот и Рыдай, вместо того чтобы пойти в гон, вспомнив ваши лакомства, бросились к вам...

– А как же, помню, братец, но ничего с собой поделывать не могу, – виновато отметил граф и резко выдернул пустую руку из кармана, чем вызвал у своих любимцев недовольное ворчание.

– Ваше сиятельство, – неожиданно оторвал графа от любимого занятия дворецкий в голубой ливрее, – ее сиятельство Вероника Аркадьевна просила напомнить вам, что стол к обеду уже накрыт.

– Ох, – недовольно проворчал граф, – я совсем забыл, что сегодня обед будет раньше обычного. Моя благоверная собирается с дочерью посетить монастырь, чтобы причаститься и передать дары. Ну ничего, я познакомлю тебя со своими борзыми в следующий раз...

Обедала графская семья в роскошно отделанной столовой с высокими китайскими вазами, которые словно часовые стояли у входа, и настенными панно с батальными сюжета-

ми, на одном из которых был изображен генерал на белом коне, ведущий за собой войска на приступ турецкой крепости, на другом – уменьшенная копия гениального творения Ломоносова «Полтавская битва».

Пока Евгений с интересом рассматривал панно, сзади неожиданно раздался тонкий девичий голосок:

– Господин поручик, вы совсем забыли спасенную вами из зеленой пучины пруда прекрасную наяду!

Евгений повернулся кругом и даже успел лихо щелкнуть каблуками, прежде чем увидел графскую дочь: высокую, стройную девушку в белом полотняном платье. Ее лицо, немного широкое в скулах, суживающихся к округленному подбородку, высокий лоб, прямой тонкий нос, огромные голубые глаза, оттененные густыми, падающими вниз ресницами, красиво очерченный небольшой рот, с алыми, слегка как бы припухшими, губками, было довольно милым. Целый каскад русых локонов, ниспадающих на плечи, вился вокруг открытой, тонкой шеи. Руки у нее были маленькие, изящные, с тонкими пальцами. В стройном, гибком стане чувствовалась сила и нервозность. Все это Евгений увидел и оценил тотчас, еще даже не успев перекинуться с ней ни единым словом. Больше всего его, словно магнитом, притягивали к ней не столько красота и изящество, сколько большие голубые, как Памирское небо, глаза, которые, словно глубокие, полноводные колодцы, манили его своей живительной прохладой. От продолжительного и пристального взгля-

да поручика девушка смутилась.

– Простите меня, мадмуазель Варенька, за столь вызывающее поведение, – виновато отводя глаза, попросил прощения поручик, – но я не узнал вас сразу. Вы так выросли и похорошели, что от вашей несравненной красоты у меня просто голова пошла кругом.

Выслушав заслуженный комплимент, девушка улыбнулась.

– Да, много воды утекло с тех пор, как вы были у нас в последний раз, – с сожалением отметила она, – тогда вы тоже были в форме и сильно зазнавались.

– Я тогда только-только кадетом стал, – словно оправдываясь, промолвил Евгений, – а вы небось уже и Смольный институт окончили?

– Да! – обрадованно согласилась Варенька. – Я там много чему научилась, – доверчиво добавила она.

Разговор почему-то не клеился. Евгений вдруг со стыдом вспомнил, как в прошлый свой приезд довольно своенравно обращался с Варенькой, тогда еще худенькой, голенастой девчонкой, которая, увидав его в кадетской форме, то и дело норовила оторвать блестящую пуговицу или нацепить себе на голову его фуражку. Когда они проходили возле пруда, питающего парк, Варенька попыталась в очередной раз стянуть с его головы картуз, но он грубо оттолкнул ее от себя, и девочка оказалась в воде. Не успела она даже испугаться, как Евгений, нисколько не раздумывая, кинулся ее спасать, хотя

сам не умел плавать. Оттолкнувшись от дна довольно глубокого пруда, он вытолкнул барахтавшуюся девочку на берег, а сам после этого пошел ко дну. И если бы не садовник, который прибежал на крик Вареньки, то еще неизвестно, чем бы все это закончилось. Для Евгения до настоящего времени было загадкой, почему Варенька не рассказала родителям о том, что он сначала столкнул ее в пруд и только потом кинулся спасать. Со слов Вареньки выходило, что эта она сама поскользнулась и упала в пруд, а он, спасая ее, совершил героический поступок.

Из затруднительного молчания их вывел граф. Заметив, что молодые люди явно стесняются друг друга, он задорно пробасил:

– Варенька, краса моя ненаглядная, разве так развлекают своих спасителей? Я приказываю тебе подойти и поцеловать этого храброго красавца-офицера.

Девушка покраснела до корней волос, но послушаться отца не посмела. Подойдя к Евгению, она приподнялась на цыпочках и чмокнула его в щеку. У поручика, не раз смотревшего в Памирах смерти в глаза и не боявшегося ни черта, ни дьявола, словно от прямого попадания горской пули все померкло в глазах, и ему показалось, что от внезапно нахлынувшего счастья у него закружилась голова. Еще до конца не осознавая своих нежных чувств к ней, Евгений в ответном душевном порыве с благоговением поцеловал Вареньке ее хрупкую, тоненькую ручку.

– Вот это по-нашему! – удовлетворенно промолвил граф. – Вероника Аркадьевна, душенька, приглашай нашего гостя к столу.

В столовую павой вплыла дородная хозяйка, графиня Вышегородская.

– Дай-ка, и я тебя, мой мальчик, поцелую, – подойдя к Евгению, сказала графиня и по-матерински поцеловала его в лоб. – Садись, не побрезгуй откусать с нами чем Бог послал, – пригласила она гостя к столу, указав место рядом с Варенькой.

Евгений был словно в тумане, чувствуя близкое присутствие с первого взгляда явно полюбившейся ему девушки, не смея поднять на нее глаза. Он невпопад отвечал на вопросы радушных хозяев, то и дело ронял то вилку, то нож. Проворные лакеи тут же меняли прибор, и все делали вид, что ничего необычного за столом не происходило.

После обеда граф пригласил гостя выпить по бокалу коньяку. И если бы он не напомнил Евгению о деле, с которым тот приехал к нему, то Баташов так и уехал бы домой, не заверив купчую.

Всю дорогу, пока двуколка, громохая на ухабах, катила в имение, Евгений не переставал думать о Вареньке и с нетерпением ждал следующей встречи с ней.

Евгений впервые принимал участие в торжественном выезде на псовую охоту и потому с удивлением и интересом наблюдал за живописной картиной, раскинувшейся перед ним. Все графские люди были облачены в форменную одежду, состоящую из разноцветных кафтанов и шаровар, добротных яловых сапог, суконных серых плащей и фуражек военного образца. Каждый имел охотничий нож для приемки волка от собак и арапник, борзятники – ременные своры и небольшие рожки для подачи сигналов, выжлятники – смычки и позы-вистые рога.

Во дворе усадьбы сначала выстроилась стая багряных гончих с доезжачими и выжлятниками, имея по обе стороны конных борзятников в ярких кафтанах, с борзыми темных окрасов на своре, потом свое место заняли стая пегих гончих и борзятники в темных кафтанах с 18-ю сворами борзых пегих и светлых окрасов. Впереди стояли, с трудом сдерживая своих коней, верховые – доезжачий и выжлятники со стаей гончих. За ними выстроились в линию борзятники, держа лошадей в поводу и собак на своре. Справа от линии борзятников располагался спешившийся заездной, а слева – ловчий. Вся эта явно будоражающая кровь каждого истинного охотника пестрая картина, освещенная лучами восходящего солнца на фоне окруженного парком графского поместья,

дышала какой-то необычайной силой и прелестью, понятной лишь немногим.

Евгений стоял, любуясь по-военному четким и ладным построением, с удовольствием слышал радостный, в предчувствии предстоящей охоты, разноголосый лай собак, и фантазия уносила его все дальше и дальше, в осенние поля и леса, где вскоре на все лады зарычит и залает эта стая и вихрем понесутся за дичью лихие своры. Он уже видел себя на коне впереди стаи гончих, преследующих матерого волка, ловил на себе его свирепые погляды, а когда в дело включатся борзые, готовые вот-вот разорвать серого, он прямо с коня кинется на зверя, в одно мгновение его скрутив. Больше всего в этот момент Евгений хотел, чтобы рядом оказалась сразившая его самого в самое сердце Варенька. Ведь это из-за нее в ночь перед охотой он так и не сомкнул глаз...

– Ваше благородие, – неожиданно оторвал поручика от грез Пафнутий, – сейчас выступаем.

Ловчий еще раз пристально оглядел построение и, не найдя никаких изъянов, приказал стремennomу Ивашке:

– Ну, паря, у нас все готово, кличь барина.

Стремянной, приняв из рук доезжачего свору любимых хозяйских собак и серого в яблоках орловского рысака, направился к беломраморному крыльцу, где его уже с нетерпением ждал граф, одетый в казачий мундир, удобный для охоты. Увидев Ивашку, он не спеша спустился вниз. Слуга, низко поклонившись, доложил о готовности стай к гону.

Петр Ильич, гордо выпятив грудь, унизанную серебряными патронами газырей, вышел на середину двора. Ловчий, словно командующий парадом, строевым шагом подошел к нему и, сняв шапку, низко поклонился. Вслед за ним поклонились выжлятники с борзятниками.

– Ваше сиятельство, примите от всего нашего охотничьего гурта низкий поклон и пожелание доброго гона!

– Здорово, ребята! – поприветствовал охотников граф и, словно главнокомандующий на параде, обошел все стаи, которые приветствовали хозяина радостным, разноголосым лаем. – Молодцы, – довольный увиденным, заявил он, – ну что, ребята, пора и в путь!

Пафнутий зычным голосом скомандовал:

– Борзятники, выходи вперед!

Заездной, а за ним борзятники, держа лошадей в поводу, повернулись направо и, выйдя на дорогу, направились к золотеющему осенней листвой дальнему лесу. Справа от заездного шел стремянной Ивашка с лошадьёю и собаками хозяина, за борзятниками – ловчий, а за ним – доезжачий с гончими и выжлятники.

Евгений, ведя своего коня в поводу, подошел к графу и, не скрывая восторга, выпалил:

– Все было так торжественно и четко, словно во время парада на дворцовой площади...

– Не удивляйтесь, поручик, – удовлетворенно разгладил свои пышные усы граф, – ведь Пафнутий, будучи моим лич-

ным денщиком, не одну войну со мной прошел. Он и помощников себе подобрал из бывших военных. Так что, хоть и в отставке я, а порядок на охоте люблю, да и старые традиции не забываю...

– Архип! – неожиданно крикнул граф дворецкого, стоящего в ожидании приказаний на крыльце. – Пойди покличь графинюшку, уже доезжать пора, охота ждет.

Дворовый еще не успел подойти к двери, как она резко распахнулась, и из дома выпорхнула настоящая амазонка в бело-золотой тунике, спадывающими складками облегающей ее гибкое, как у пантеры, тело. Это была ослепительная в своей юной красоте Варенька. На ее маленькой головке лихо сидела модная парижская шляпка с узкими полями, чуть прикрывающими лицо от солнца. Ее стройные, обтянутые лосинами ножки украшали миниатюрные, красного сафьяна сапоги.

Расторопный конюх подвел к крыльцу снежно-белую кобылу-кабардинку с тонкой, словно у лебедушки, шеей и помог девушке забраться в седло. Сделав круг по двору, она осадилла лошадку прямо у ног Евгения, который, позабыв обо всем на свете, искренне любовался лихой наездницей.

– Вызываю вас, господин поручик, на состязание: кто первый доскачет до верстового столба! – задорно крикнула девушка и, не дожидаясь Евгения, крупной рысью припустила к проселочной дороге.

– Вот проказница, – глядя влюбленными глазами на дочь,

добродушно промолвил граф. – Смотрите, поручик, не подкачайте, она у меня ну прямо кавалерист-девица!

Евгений, подстегнутый словами графа, вскочил на своего серого жеребца и, вонзив ему в бока шпоры, чуть ли не с места пустил его в галоп. Орловский рысак первое время уступал ретивому кабардинцу, но после прохождения половины пути конь под наездницей начал уставать, а выносливый орловец, не сбавляя скорости, уверенно летел к заветному финишу. За сотню саженей до столба Евгений, к своей невероятной радости, наконец-то опередил Вареньку и, первым достигнув финиша, с чувством победителя при Измаиле встретил ее, раскрасневшуюся, явно довольную этой захватывающей дух гонкой.

– А я-то думала, что артиллеристы только и могут из пушек по воробьям палить! – задорно воскликнула девушка и весело рассмеялась.

– Ну, почему же, – смущенно заявил Евгений, – мы и не такое можем.

Это его «могём», почерпнутое из богатого лексикона батарейного балагура и зубоскала Кузьмы, еще больше рассмешило Вареньку, и она, словно серебряный колокольчик, залилась своим бесподобным, ласкающим слух смехом. Баташов пытался было для пушей солидности сдержаться, но, видя ее смеющиеся глаза, губы, сотрясающееся от смеха тело, не выдержал и загоготал вместе с ней.

Гонка и искренний неудержимый смех не только расто-

пили последние остатки робости между Евгением и Варенькой, но и несколько сблизили их, и теперь, в ожидании торжественно и неторопливо шествующего к заветному лесному острову охотничьего полка во главе с сиятельным губернским предводителем дворянства, они, держа коней в поводу, медленно шагали по пустынной дороге, беседуя как давние и близкие знакомые.

– Правда, что папенька выглядит, словно генерал со всем своим охотничьим войском? – неожиданно спросила Варенька, бросив взгляд на приближающихся охотников.

– Да-а, ваш *papa*# – настоящий главнокомандующий. Я знаю из рассказов отца о беспримерной храбрости Петра Ильича, его смелости и решительности и думаю, что все эти его качества мы еще увидим во время сегодняшнего гона.

– О-о, уж в этом-то я несколько не сомневаюсь, – сказала девушка, озорно взглянув на Евгения. – Говорят, что я вся в него. Так что рекомендую вам не отставать от меня, а то можете заблудиться или, того хуже, наскочить на матерого зверя...

– Не кажется ли вам, мадмуазель, что вы сегодня излишне самоуверенны? – обиженно воскликнул поручик, подкручивая ус.

– Возможно, – неожиданно согласилась Варенька, – поэтому я вас прошу меня извинить и не быть букой. А чтобы вы больше не злились на меня я, с вашего разрешения, вас поцелую.

Не успел Евгений осознать своего счастья, как шалуны, чмокнув его в щеку, вскочила на свою кобылку и была такова.

– Ну что, я же говорил вам, что моя дочь – истинная Диана-охотница! – воскликнул граф, подъезжая. – Ей так и не терпится начать гон, – добавил он, влюбленным взглядом глядя на удаляющуюся фигуру дочери, – а я не тороплю Пафнутия. От усталой собаки прыти не дожدهшься, а значит, и настоящей охоты не будет. Скоро вы увидите правильный гон в поле, где даже неопытный, но сметливый охотник живо приобретает то охотничье чутье и сноровку, которые частенько удивляют людей, мало знакомых с этого рода охотой. Главное, чтобы вы не отставали от меня, – предупредил граф.

Завороженный внезапным поцелуем Евгений ответил что-то невпопад и, вскочив на своего рысака, направил его вслед за графским орловцем, все еще пребывая в состоянии эйфории. С мыслью о Вареньке Евгений уже в окружении догнавших хозяина псарей и охотников добрался до леса и с удивлением обнаружил, что девушки на опушке нет.

– А где же ваша дочь? – удивленно спросил он у графа.

– Как всегда, с доезжачим Филатом и подывалой выехала к волчьему логову, – спокойно, словно о чем-то обыденном, сказал граф.

– Но там же небезопасно! – озабоченно промолвил Евгений. – Дайте мне проводника, чтобы я в случае чего был с

ней рядом...

– Ну это вы зря, – улыбнулся граф. – Наш Филат – мужик крепкий, с одной рогатиной на медведя ходит, а волки для него – тьфу и растереть! А дать проводника я вам никак не могу, ведь у каждого свое место в загоне. Так что, мой мальчик, держись лучше меня.

Неожиданно в глубине леса послышался протяжный волчий вой, настороживший людей и собак. Евгений при этом сразу же поднялся на стремянах, готовый в любой момент сорваться с места, чтобы первым нагнать серого, но граф остановил его порыв:

– Это мой подвывала заливается, – с гордостью в голосе промолвил он, – сейчас начнется потеха.

Пафнутий протрубил в рог сигнал «Бросай гончих!», по которому доезжачий быстро без суеты распределил направления движения между своими помощниками, разомкнул гончих, и стая с громким лаем кинулась к месту напуска на логово. Петр Ильич, к удивлению Евгения, не последовал следом за стаей, а вместе с ловчим поскакал к другому краю леса, за которым простирались бескрайние поля. Поручик последовал за ним. По ходу движения ловчий проверял борзятников, которые со своими сворами располагались через каждые двести-триста метров друг от друга по периметру лесного острова.

На вопрос Евгения, почему так редко устроены засады, Пафнутий объяснил, что участки острова, через которые

волки могут скрыться незамеченными для борзятников, ого-рожены тенетами.

– Так что, ваше благородие, от нас ни один серый не ускользнет, – уверенно заявил ловчий, направляясь к следующей стае повизгивающих в ожидании гона борзых.

– Здесь и будем ждать, – сказал граф подъехавшему к нему поручику Баташову, указывая на ложбину, выходящую из леса и заканчивающуюся в чистом поле в сотне метров от опушки. Как только он соскочил с коня, к нему тотчас подскочили четыре довольно крупные борзые.

– Ах, вы мои красавцы! – любовно приветствовал псов хозяин. – Вот это и есть мои любимцы – Хватай, Удав, Налетай и Терзай. С ними мне никакие волки не страшны.

Приласкав псов, Петр Ильич с помощью заездного вскочил на коня и направил его к разлапистому клену, покрытому багряно-золотой листвой. Все затаились под его сенью в ожидании хищников.

Вскоре послышался приближающийся лай гончих, главная задача которых была – выгнать зверя из леса, как можно ближе к борзятникам.

– Слышите звонкий лай? – встрепенулся граф. – Это моя дорогая Флейта заливается. Знать, скоро будет здесь. Советую вам приготовиться, – обратился он к Евгению, судорожно сжимая в руках тяжелый арапник.

Зоркий глаз молодого охотника, привыкшего стрелять в горных козлов на предельных расстояниях, первым заметил

несущегося по ложбине матерого волка с ошестинившейся желтой шерстью на загривке. Чтобы не упустить серого, Евгений с места пустил своего орловца в галоп, ему наперерез. Заметив всадника, зверь, не останавливаясь, проскочил под ногами его коня и кинулся в заросли, где его уже ждали борзые. Напуганная лошадь испуганно шарахнулась в сторону, чуть было не скинув с себя наездника. Евгений с трудом удержался в седле, но пока он успокаивал и разворачивал своего орловца, борзые, преследующие волка, были уже далеко.

– Ату! Ату его! – крикнул граф, увидев серого, и поскакал вслед за оглашающей окрестности громким лаем стаей.

Заметив собак, волк отвернул на пашню, и псам пришлось доставать его уже по рыхлому чернозему. Дружно подлетели к нему борзые. Окруженный со всех сторон, серый, огрызаясь, вертелся волчком на одном месте до тех пор, пока на помощь собакам не подоспел граф вместе с ловчим. Евгений издали наблюдал, как губернский предводитель дворянства смело соскочил с лошади и несколькими ударами арапника повалил зверя на землю, а затем с помощью Пафнутия сострунил его, сдавив челюсти кожаной петлей.

Наблюдая за действиями удачливых охотников, Евгений не сразу заметил, как недалеко от него прошмыгнул еще один волк и наметом кинулся в поле.

«Уж ты-то от меня никуда не уйдешь!» – подумал он и, вскинутой над головой фуражкой подав охотникам сигнал

«вижу волка», всадил шпоры в бока своего рысака, резко по-слав его вслед за убегающим зверем.

Граф, увидев сигнал, пустил борзых за обнаруженным волком, а сам остался на месте, предоставив гостю возможность показать свою удаль и охотничье мастерство.

Езда по чернотропу и тем более по пашне требовала от наездника не только значительных кавалерийских навыков, но и большой выдержки. Ему необходимо было следить за убегающей дичью и в то же время стараться направлять коня вдоль борозды.

«Недаром говорили мне бывалые охотники: “Ездить верхом – искусство, охотиться верхом – виртуозность”», – подумал Евгений, в очередной раз придерживая коня, чтобы тот не угодил ногой в кротовую нору.

Серый, заметив, что ему наперерез мчится свора борзых, резко развернулся и бросился обратно к опушке. Бежал он уже не так скоро, и Евгений на своем орловце стал его нагонять, когда из леса навстречу волку выскочила белая кобыла с разгоряченной наездницей в седле.

– Осторожно, Варенька! – что было сил крикнул поручик и, пришпорив коня, кинулся к ней на помощь.

Зажатый стремительно приближающимися с двух сторон борзыми и всадником на грозном коне, волк выбрал из трех зол меньшее и после непродолжительной заминки кинулся в сторону одинокой наездницы, за которой простирался спасительный лес.

Увидев несущегося прямо на нее зверя, девушка не растерялась, а напротив, бесстрашно направила свою кобылку ему навстречу.

– Остановитесь, Варенька! – снова прокричал Евгений и что было сил ударил своего коня арапником. Жеребец аж подскочил от обиды, но быстро смирился с этим и, не разбирая дороги, перешел с крупной рыси в галоп. И вовремя.

Недалеко от леса волк остановился и, раскрыв зубатую пасть, рыкнул так, что белая кобыла от испуга чуть было не села на задние ноги. Видно было, как Варенька, вцепившись в высокую луку дамского седла, с трудом удержалась, чтобы не упасть. Волк уже было наострил уши, чтобы исчезнуть в густых лесных зарослях, когда поручик прямо с коня смело кинулся на зверя и, с ходу ударив его по голове арапником, мертвой хваткой вцепился ему в горло. Вскоре на помощь ему подоспели собаки. Борзые, рыча и повизгивая, окружили серого со всех сторон, отрезав ему путь к лесу. Видя это, Евгений, думая, что волк уже достаточно ослаб и не представляет опасности, разжал руки. Но серый, почувствовав свободу, опрокинул ударом клыка ближайшую борзую и из последних сил рванул к лесу. Однако не тут-то было. Крупный пегий кобель, вылетев из кучи собак, неимоверным броском достал волка и повис у него на загривке. Остальные кобели накрыли и подняли серого на воздух у самых ног соскочившей с коня хозяйки.

В это время к месту схватки прискакал Пафнутий и помог

Евгению сострунить загнанного волка.

Победоносно взглянув на явно обескураженную девушку, Баташов чинно поклонился ей и, указав на добычу, гордо объявил:

– Вместе с загнанным мной волком я у ваших ног, милая Варенька.

– Если бы не моя Белла, то я бы не хуже вас справилась с этим зверем, – смущенно произнесла залитая румянцем смущения девушка.

– С почином вас, ваше благородие, – поздравил ловчий поручика с охотничьим трофеем. – У его сиятельства поматерей будет, – сообщил он, осмотрев со всех сторон загнанного зверя.

– Лиха беда – начало! – ответил бодро поручик. – В Памирах мне и покрупней зверя приходилось добывать.

Почти неделю продолжалась охота, во время которой поручик Баташов загнал еще трех волков, пяток лис и десяток зайцев. Но главной его добычей на этой знаменитой псовой охоте стала лихая амазонка Варвара Петровна, которая через неделю, с благословения родителей, пошла со своим милым спасителем под венец, а через год у них родился первенец, названный в честь знаменитого предка, гусарского полковника, Аристархом. Так продолжился служивый род Баташовых, среди которых больше всего было именно военных. И это неудивительно, потому что Российская империя с первого дня своего существования нуждалась в защите не толь-

ко своих границ, но и многочисленных народов, пришедших под ее руку...

Глава IV

Германия, Айзенах.

Сентябрь – октябрь 1945 г

– Я всегда утверждал, что в войне с Россией Германия потерпит сокрушительное поражение, – по-старчески надтреснутым голосом промолвил бывший шеф германской разведки времен Первой мировой войны полковник Вальтер Николаи, отвечая в октябре 1945 года на вопрос следователя НКВД, майора Круглова, о его участии во Второй мировой войне.

– Этого не может быть, – произнес удивленно майор, – ведь в книге, вышедшей в ноябре 1941 года в США под названием «Тотальный шпионаж», западные исследователи утверждают обратное, как и то, что вы принимали самое непосредственное участие в подготовке и ведении войны, развязанной Гитлером...

– Я ушел в отставку в ноябре 1918 года и с тех пор никакой работы, связанной с разведкой, не вел.

– И все-таки сомнительно, что вы, являясь до 1918 года начальником разведывательной службы генерального штаба германской армии, прекратили свою разведывательную деятельность после окончания Первой мировой войны.

Как ни печально это было для самого Николаи, он вынуж-

ден был констатировать:

– Я понимаю, у вас имеются все основания не верить тому, что после 1918 года я прекратил свою разведывательную деятельность, однако несмотря на это еще раз заявляю: все в действительности было так, как я показываю...

Николаи, наверное, уже было подумал, что сумеет выкарабкаться из ловко поставленных следователем вопросов о его причастности к делам Третьего рейха, к которым он и в самом деле не имел никакого отношения, когда советский офицер задал неожиданный вопрос:

– По каким каналам проводилась разведывательная деятельность против России в годы Первой мировой войны?

Советские контрразведчики, прекрасно понимая, что даже если Николаи не имеет никого отношения к нацистам, он должен знать о немецких агентах, заброшенных в Россию еще в годы Первой мировой войны и, возможно, продолжавших работать на своих хозяев накануне и в годы Второй мировой войны.

Николаи несколько секунд молчал, собираясь с мыслями.

– К началу войны насажденная германской разведкой агентура вдоль границ России прекратила свою работу вследствие прохождения в местах ее концентрации линии фронта. переброска агентуры практиковалась через нейтральные государства, в частности через Данию, Норвегию и другие страны, причем в этих же странах проводилась и вербовка агентуры, которая выезжала в Россию под видом

путешественников и прочих. Я лично не направлял агентов на территорию России, – уверенно ответил он, понимая, что у русских нет на руках никаких доказательств, – скажу больше: восточный театр военных действий был для германской разведки второстепенным, и потому наша разведка пользовалась лишь далеко не достоверной информацией, полученной от беженцев, перебежчиков и пленных...

– Но в своей книге «Тайные силы», изданной в 1923 году, – упорствовал Круглов, – вы утверждаете: *«...Во время войны русской контрразведкой было обнаружено довольно внушительное количество агентов немецкой разведки среди офицеров русской армии до чина генерала включительно, например, генерал Иванов, полковник Мясоедов (повешен в 1915 году), полковник Артур Штюрмер (повешен в 1916 году). Вообще до марта 1916 года на одном лишь Юго-Западном фронте было обнаружено 87 австрийских и немецких шпионов. Ясно, что они были втянуты еще в мирное время...»*

– Это несколько неточные факты. А что касается дела жандармского полковника Мясоедова, то я склонен утверждать, что дело его фальсифицировано и аналогично делу Дрейфуса во Франции, только с более трагичным финалом. Я уверен, что ни Мясоедов, ни Дрейфус никогда не были агентами немецкой разведки.

– Что вы можете сказать о роли в германской разведке немецких колонистов, состоявших в двойном подданстве,

которыми были наводнены приграничные с Германией российские области и районы крепостей?

Николаи молча уставился в потолок, обдумывая вопрос.

– Я ничего об этом не знаю, – ответил он.

– А что вы можете показать по делу Распутина, которого, по данным русской контрразведки, ваши агенты усиленно обрабатывали, задаривая деньгами, мадерой и доступными женщинами?

– Я слышал о каком-то Распутине, но понятия не имел, что он может быть источником важной информации, – поспешно ответил Николаи.

– А что вы можете ответить на заявление царского министра внутренних дел Хвостова, опубликованное в российской печати в феврале 1916 года: *«...Я прежде не вмешивался в его (Распутина) поведение, но потом убедился, что он принадлежит к международной организации шпионажа, что его окружают лица, которые состоят у нас на учете и которые неизменно являются к нему, как только он вернется из Царского Села, и подробно у него все выспрашивают»*. Если припомнить отношение Распутина с царским двором, то легко себе представить, какую ценность он представляет собой для немецкой разведки.

– Вы, русские, много говорите, но мало делаете. Немцы же, в отличие от вас, нация конкретных, деловых людей. Будь у нас подобные факты, ни императорский любимчик, ни тем более другие подозрительные личности от военного трибу-

нала точно бы не ушли. При таком министре внутренних дел и неудивительно, что произошла ваша революция...

– Имелась ли у вас агентура из среды правительственных кругов царской России? – последовал настойчивый вопрос уже генерала Петровского, сменившего на посту уже явно заводившегося от скользких и уклончивых ответов Николаи следователя.

Видя, что покрасневший от злости и обиды майор удалился, Николаи усмехнулся. «Слабак», – наверное, подумал он и, взглянув в спокойное, непроницаемое лицо генерала, глухо ответил:

– Такой агентуры разведывательная служба Германии не имела. Как я уже говорил вашему коллеге, на восточном театре военных действий у нас была набрана агентура в основном из низших слоев населения, не обладавшая связями в высших кругах российского общества...

– Тогда назовите ценную агентуру, работавшую в пользу Германии на территории России, – продолжал гнуть свою линию генерал.

– Ценной агентуры в России разведорганы Германии вообще не имели. А если таковые и были, то ни одного такого агента я не знаю, потому что вся агентура находилась под руководством офицеров разведки, а лично под моим руководством ни одного агента не было...

Продолжая допрос 29 сентября 1945 года, генерал Петровский, которому помогал майор Круглов, был намерен

взять реванш у полковника Николаи.

– На предыдущем допросе вы показали, что германская разведка не имела в России ценной агентуры, а приобретала ее лишь из низших слоев населения, что не давало ценных материалов. Так это было?

Николаи согласился:

– Да, я это подтверждаю.

– Неувязочка получается, – усилил напор Петровский, – вы же сами утверждали в своей книге «Тайные силы» о том, что *«...германской разведке еще до войны удалось завязать в России ценные связи и поддерживать их до возникновения войны. Война выявила свое разлагающее влияние прежде всего в России, а также затем во Франции и даже в Англии так, что германская разведка нашла повсюду немногочисленные, но хорошие связи...»* Кстати, об этом свидетельствовали и успехи немецких шпионов того времени. Привожу следующие ваши высказывания: *«...Дислокация русской и французской армий, их вооружение, подготовка и снаряжение, строение системы крепостей и стратегической сети железных и шоссейных дорог, равно, как и выступление обеих армий, были к началу мировой войны германскому генеральному штабу известны...»* И еще: *«События, втайне совершавшиеся в России, были своевременно сообщены и подтверждены последующими событиями. Начальник генерального штаба действующей армии выразил офицерам разведки в первом обращении к ним после начала войны “бла-*

годарность за успехи, достигнутые в период кризиса и мобилизации, тем более что на нас выпала внезапность». Ближайшей, следующей задачей было установление и выяснение неприятельского развертывания. И она тоже была выполнена. Перед началом операции было правильно определено «как русское, так и французское развертывание»». Такое сообщение агентура из низших слоев населения дать не могла. Это обстоятельство свидетельствует о наличии в России и других странах ценной агентуры, которую вы безусловно должны знать. Что вы на это скажете?

Николаи молча уставился в окно, за которым виднелись отроги гор его родной Тюрингии, сплошь покрытые лесом, и мучительно соображал, что сказать на этот непростой вопрос так, чтобы ответить и в то же время ничего важного не выдать.

– По этому конкретному случаю я помню, что сообщение о мобилизации русской армии было получено от рядового агента, нелегально перешедшего границу, – отвечал он невозмутимо. – Этот агент доложил то, что знал, офицеру германской разведки, находившемуся в городе Кёнигсберге. Скажу откровенно, к чести французского и русского народов, следует сказать, что с началом войны все наши старые агентурные связи были порваны...

Этот его ответ несколько смягчал утверждение Николаи о «ценных» и «хороших» связях в России, но не дезавуировал их вовсе.

– А, что вы скажете в ответ на это свое утверждение: «...
Даже по данным слабенькой царской контрразведки, немцы в России еще задолго до войны имели хорошо и прочно налаженную агентурную сеть. Так, французская контрразведка установила в 1916 году, что германские страховые общества поддерживали тесную связь со страховыми обществами в России. Эти последние под благовидным предлогом перестраховки совершенно открыто пересылали страховые бордеро в Германию. По этим бордеро немецкая разведка имела полную картину русской военной промышленности, военного судостроения и прочего...»

– Не все изложенное в книге соответствует действительности. Кое-что я приукрасил, – делано смутился матерый разведчик.

Так и не добившись каких-нибудь реальных результатов, советские контрразведчики временно прекратили допросы, надеясь, что со временем Николаи сам захочет высказаться. Но, не дождавшись добровольного желания немецкого разведчика облегчить свою душу, 12 октября 1945 года следствие продолжилось. Вести его генерал Петровский поручил более жесткому и настырному следователю, майору Афанасьеву.

– Несмотря на все ваши запирательства, вам все-таки придется дать показание о разведывательной работе, проводимой вами против России.

Видя, что новый следователь не отстанет от него, пока не

добьется результата, полковник Николаи решил сменить тактику.

– Моя разведывательная работа в этот период состояла в том, что я руководил всей разведывательной службой, состоявшей из четырех отделов, каковыми являлись тайная разведка, фронтовая разведка, внутренняя разведка и разведка при помощи печати...

– Назовите лиц, стоящих во главе указанных отделов.

– Начальник тайной разведки майор Гемп, фронтовой разведкой руководил майор Редерн, во главе внутренней разведки стоял майор Кемпис, разведкой при помощи печати руководил майор Крегер.

– Кто занимался засылкой агентов на территорию царской России?

– Отдел майора Гемпа.

– Этот отдел самостоятельно забрасывал агентуру в Россию или требовалась санкция вышестоящего начальства?

– Заброской агентуры в Россию отдел занимался самостоятельно.

– Вы хотите сказать, что и ценная агентура, насаждавшаяся в правительственных учреждениях России, забрасывалась без санкции вышестоящего начальства?

– Об этом я ничего не знаю. Мне даже неизвестно, существовала ли такая агентура в правительственных кругах России, – стоял на своем полковник Николаи.

Все повторялось, и это начинало раздражать даже пре-

дельно спокойного следователя Афанасьева. Но он, не уменьшая напора, продолжал допрос. Моральный нажим упорного чекиста был настолько велик, что Николаи был готов покончить с собой, о чем он и упомянул в своей рукописи «Разведка 1900–1945 гг. Обобщенный опыт», подготовленной уже в Москве.

Не сразу, со временем, следователи НКВД в конце концов убедились в том, что семидесятидвухлетний отставной полковник, отрицая свою непричастность к деятельности заправил Третьего рейха, был как никогда правдив. Но это выяснится много позже, после полного окончания Второй мировой войны. А осенью 1945 года советские чекисты предъявили полковнику Николаи обвинение в военных преступлениях и отправили в Советский Союз, оторвав его от отчего дома, расположенного в небольшом городке Айзенах, затерявшегося в горах Тюрингии, и от многочисленной семьи – жены и трех дочерей.

– Я ненадолго, – сказал он на прощание своей постаревшей за годы войны супруге Марии, – видит Бог, я ни в чем не виноват.

В те последние дни октября 1945 года полковник Николаи не мог и представить себе, что вскоре вместо своего родного и уютного дома в Айзенахе окажется в далекой и заснеженной Москве в одиночной камере спецтюрьмы НКВД, где пробудет до весны 1946 года. Окончательно разобравшись в том, что полковник Николаи никакого отношения к гер-

манскому фашизму не имел и с нацистами не сотрудничал, руководитель НКВД генерал Меркулов распорядился перевести «главного германского шпиона» Первой мировой войны на спецдачу в окрестностях Москвы, где тот взялся написать книгу о значении разведки в современном мире. Так и не увидев своего произведения напечатанным, в 1947 году полковник Николаи тихо ушел в мир иной, унеся с собой в могилу так и оставшиеся нераскрытыми секреты германской разведки времен Первой мировой войны...

Глава V

Германия. 1893–1896 гг

«Правительство, чей Генштаб может предвидеть минимальные колебания акций на медь, сталь, хлопок, шерсть на бирже, а также следить за производством бензина и пищевых продуктов, нужных для армии, – такое правительство выигрывает сражение, еще не начав войны».

Вальтер Николаи

«...Подполковнику Николаи было поручено руководить средствами печати, следить за настроениями в армии, укрепляя боевой дух солдат. Кроме того, он должен был контролировать работу почты, телеграфа, телефонной сети, принимать меры против экономического шпионажа. Николаи справился со всеми поставленными задачами, послужив своему отечеству».

Из книги генерала Людендорфа «Воспоминания о войне».

1

Светловолосый, среднего роста, лет сорока на вид, деятельный, никогда не унывающий генштабист, в короткие сроки реформировавший перед войной всю германскую разведку, Вальтер Николаи, по воспоминаниям сослуживцев,

руководил разведкой так же смело и решительно, как командовал бы в бою ротой или даже батальоном потомственный военный пруссак, кем он и был на самом деле. Достигнув уже определенных высот в главной своей деятельности, он любил вспоминать в окружении коллег:

«Господа, даже будучи фенрихом, я не только познавал азы военного дела, но и повсеместно изучал науки, казалось бы очень далекие от боевых уставов и наставлений. Я знал, что когда-нибудь они пригодятся мне в важном для моего Отечества деле. Все приобретенные мной многосторонние знания оченьгодились мне при формировании самой передовой разведки в Европе. Мне удалось создать не только теорию разведки и ее новую структуру, но и нечто большее – ее идеологию, основы ее нравственной культуры, что, я надеюсь, будет оценено нашими потомками превыше всего».

Вместе с тем Николаи был человеком несколько сентиментальным, особенно когда вспоминал свою семью, своих милых девочек, которых видел нечасто. Все эти противоречивые качества были заложены в нем еще в эпоху Великого Бисмарка, и потому он всегда с большой осторожностью относился к резким переменам в обществе, и в политике в частности. Мне кажется, читателю будет интересно узнать, как начиналась эта довольно бурная и наполненная самыми разнообразными событиями жизнь...

Вальтер Николаи начинал свой жизненный путь, как уже сказано выше, еще в эпоху Великого Бисмарка, в обычной протестантской семье, далекой от прусских аристократических традиций и связей. Его отец был капитаном прусской армии и потомком брауншвейгских пасторов, мать – тихая и заботливая женщина – была дочерью зажиточного крестьянина. Фамилия будущего разведчика была одной из старейших в Брауншвейге, но знатной родословной похвастаться не могла, ибо предки его крестьянствовали и лишь своим упорством и знаниями выбились в священники и мелкие чиновники. Мальчику не исполнилось еще и четырех лет, когда от тяжелых ран, полученных в ходе франко-прусской войны, скончался отец. Нелегко пришлось жить осиротевшей семье на скудную кайзеровскую пенсию, но воспитанная в духе традиционного немецкого консерватизма и преданности императору мать постоянно внушала своему сыну:

– Всегда помни, Вальтер, что брауншвейгцев на службе Отечеству отличали преданность, смелость и честность, они были верной опорой кайзера, пример тому – твой славный отец. И еще: старайся быть ближе к сильным мира сего и подальше от политики, и тогда, возможно, ты сможешь устроить свою жизнь лучше, чем твои несчастные родители...

Успешно окончив Домскую гимназию в Хальберштадте,

Вальтер на себе испытал кастовые ограничения, существующие в кайзеровской Германии, когда все люди были разложены по сословиям, словно товары по полкам, где рожденный на первом этаже никогда не мог претендовать на второй. Даже отличное окончание гимназии не давало права на блестящее будущее, о котором не раз говаривала ему мать.

И только благодаря хлопотам родственников и поручительству командира полка, в котором когда-то служил капитан Николаи, юноше удалось поступить в кадетский корпус. После окончания этого военного учебного заведения Вальтер сдал *Fähnrichsexamen* – экзамен на фенриха² – и поступил в этом невысоком звании на военную службу в 82-й прусский пехотный полк. Командир полка Георг Кольгоф, потомственный прусский офицер кайзеровской армии, зная о его отце-офицере, скончавшемся от тяжелых ран, и о искреннем стремлении Вальтера стать профессиональным военным, благоволил к молодому брауншвейгцу. Он даже поручил своему адъютанту оказать парню помощь не только в изучении военной науки, но и в усвоении правил этикета, так необходимого «благородным господам». Вальтеру, больше привыкшему к простому обхождению, светские манеры казались неуместными в его дальнейшей офицерской жизни. И потому эти уроки он не принимал всерьез, чем вызвал искреннее возмущение адъютанта, мелкопоместного дворянина из Мекленбурга, который пожаловался на строптивного

² Кандидат в офицеры.

Фенриха своему командиру.

– Я-то полагал, что вы человек грамотный и понятливый и искренне думал, что вас ждет достойное будущее, – сказал однажды Вальтеру полковник Кольгоф, – но вижу, что вы до сих пор находитесь в плену своих сословных предрассудков, и мне кажется, что настоящего офицера из вас не получится...

– Господин полковник, прошу вас, не ставьте на мне крест, я буду исполнять все, что вы мне порекомендуете... – возопил Фенрих, всем своим существом поняв, что его военной карьере может прийти конец. И столько в его словах было искреннего раскаяния и желания выслужиться, что полковой командир, немного смягчившись, изрек:

– Хорошо, я даю вам еще один шанс выбиться в офицеры...

А тех, кто хотел стать военной элитой, в полку гоняли без жалости и зачастую после службы заставляли работать в офицерском клубе официантами, чтобы будущие командиры учились тому, как вести себя вне службы. И Вальтер безропотно, после нелегких и изнурительных занятий с солдатами, изучал этикет, манеры и даже сервировку стола. Он показал себя старательным учеником и быстро запомнил, какие бокалы предназначены для белого вина, а какие для красного, какая вилка предназначалась для салата, а какая для холодных закусок. Вскоре он, как заправский кавалер, мог галантно пригласить на танец знатную даму, зная, когда надо

ее именовать «высочество», а когда «графиня» или «сударыня», и когда такое обращение просто неуместно.

И вот наступил долгожданный день, когда адъютант полкового командира пригласил Вальтера в числе других однополчан на празднование своего дня рождения в офицерское казино. Это для фенриха, как и для других кандидатов в офицеры, было высшей степенью доверия и ценилось как самая высокая награда. Он впервые в жизни, будучи в офицерском казино, не носился с подносом между столиками, а сидел за одним столом с самим обер-лейтенантом, тремя молодыми лейтенантами и одним обер-фенрихом...

Трудолюбивый и старательный, но замкнутый по природе, Николаи своими высокопрофессиональными качествами вскоре обратил на себя внимание командования. Став лейтенантом, он первым делом с радостью известил об этом важном событии своих родных, которые обрадовались тому, что в их роду появился офицер не меньше, чем он сам. Став офицером, он, в отличие от большинства своих сослуживцев, все так же, как и раньше, избегал вечеринок с выпивками, азартных игр, предпочитая уединенную, не по годам размеренную жизнь. Всегда предельно серьезный и немногословный, он оживлялся только тогда, когда говорили о Германии. Пылко включаясь в дебаты, он как истинный патриот отстаивал свои убеждения. Товарищи по службе порой удивлялись его убийственной логике и аналитическому уму. Наверное, поэтому в споре ему не было равных.

Эти первые задатки неординарного человека не раз отмечал про себя и полковник Кальгоф. Однажды на учениях он назначил молодого лейтенанта командовать ротой и был заметно удивлен, как тот грамотно и уверенно управлял подразделением, как оперативно принимал решение и ставил командирам взводов «боевые» задачи.

– Вы, лейтенант, далеко пойдете, если не будете вмешиваться в политику, – сказал ему полковник Кольгоф после учений.

– Яволь, господин полковник, – вытянул руки по швам лейтенант Николаи, – приказывайте мне, и я готов выполнить любой ваш приказ хоть в преисподней!

Ответ командиру полка понравился.

– Как отличившегося на учениях я приглашаю вас сегодня к себе на ужин, – торжественно сказал полковник, словно наградил офицера серебряной медалью.

– Яволь, господин полковник, я оправдаю ваше доверие! – радостно воскликнул Николаи.

Он сказал это по инерции, как после получения награды, нисколько не догадываясь о том, что полковой командир, приглашая его, молодого и перспективного офицера на семейный ужин, имел на него свои виды.

Вальтер Николаи впервые был принят в богатом доме прусского дворянина и помещика. Его особенно поразила кричащая роскошь вокруг, большое количество слуг и, конечно же, юная дочь полковника Мария. Знакомя лейтенан-

та Николаи с супругой и дочерью, Кольгоф сурово заметил:
– Мой первый лейтенант! Имеет все достоинства, собственные офицеру, кроме одного...

Женщины с интересом взглянули на молодого человека.

– Он совсем не интересуется слабым полом! – после небольшой паузы добавил полковник и звучно рассмеялся.

У Николаи невольно покраснели уши, и он в меру подбостранно облобызав протянутые для поцелуя ручки, с достоинством начал светский разговор:

– Сударыня, – обратился он к хозяйке, продолжавшей оценивающе его разглядывать, – разрешите выразить вам искреннюю признательность за приглашение. Скажу откровенно, я никогда еще не видал такой красавицы, как вы, и просто теряюсь от ослепительного блеска ваших голубых, как небеса, глаз и вашего ангельского обаяния!

– Молодой человек, вы мне явно льстите, – в свою очередь смутилась полковница, – а вам, господин полковник, – обратилась она к мужу, – следовало бы поучиться обхождению с дамами у вашего первого лейтенанта.

Хозяин хмыкнул в ответ и, подойдя к столику с закусками, налил себе в серебряную рюмку коньяку и с удовольствием выпил.

Юная Мария, скромно опустив глаза долу, внимательно прислушивалась к разговору, лишь изредка бросая любопытные взгляды на ничем не примечательного молодого человека с худым, невыразительным лицом, острым, пронизы-

вающим взглядом и слегка вздернутым носом. И все-таки в нем было что-то притягательное. Прежде всего то, что все его существо выражало искренний восторг и излучало чуть уловимую чайльд-гарольдовскую печаль, что невольно завораживало сердца женщин.

– К столу, господа, – не терпящим возражения голосом приказал полковник, и тут же вышколенные лакеи быстро без суеты расставили на столе четыре куверта из серебра и звонкие хрустальные бокалы.

Грузно усевшись во главе стола, полковник Кольгоф, указав дочери на место рядом с Николаи, весело промолвил:

– Я вижу, молодой человек, что вы очаровали дамское общество, и надеюсь, что будете у нас частым гостем.

– Яволь, господин полковник, – попытался было вскочить лейтенант, но, наткнувшись на осуждающий взгляд фрау Кольгоф, остался на месте.

– Будьте, как дома, лейтенант. Забудьте хотя бы на время о субординации, – благожелательно промолвил полковник и, дождавшись, когда в бокалах заискрится рейнское, торжественно произнес: – Отец мой, так же, как дед и прадед, были настоящими прусскими солдатами, верой и правдой служили нашей Великой Германии. К сожалению, Бог не дал мне сына, – хозяин покосился на смутившуюся супругу, – но Всевышний даровал мне прекрасную дочь, которая когда-нибудь родит мне внука, которому я и передам по наследству свой меч воина. За прекрасное будущее моей ми-

лой дочурки! Прозит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.